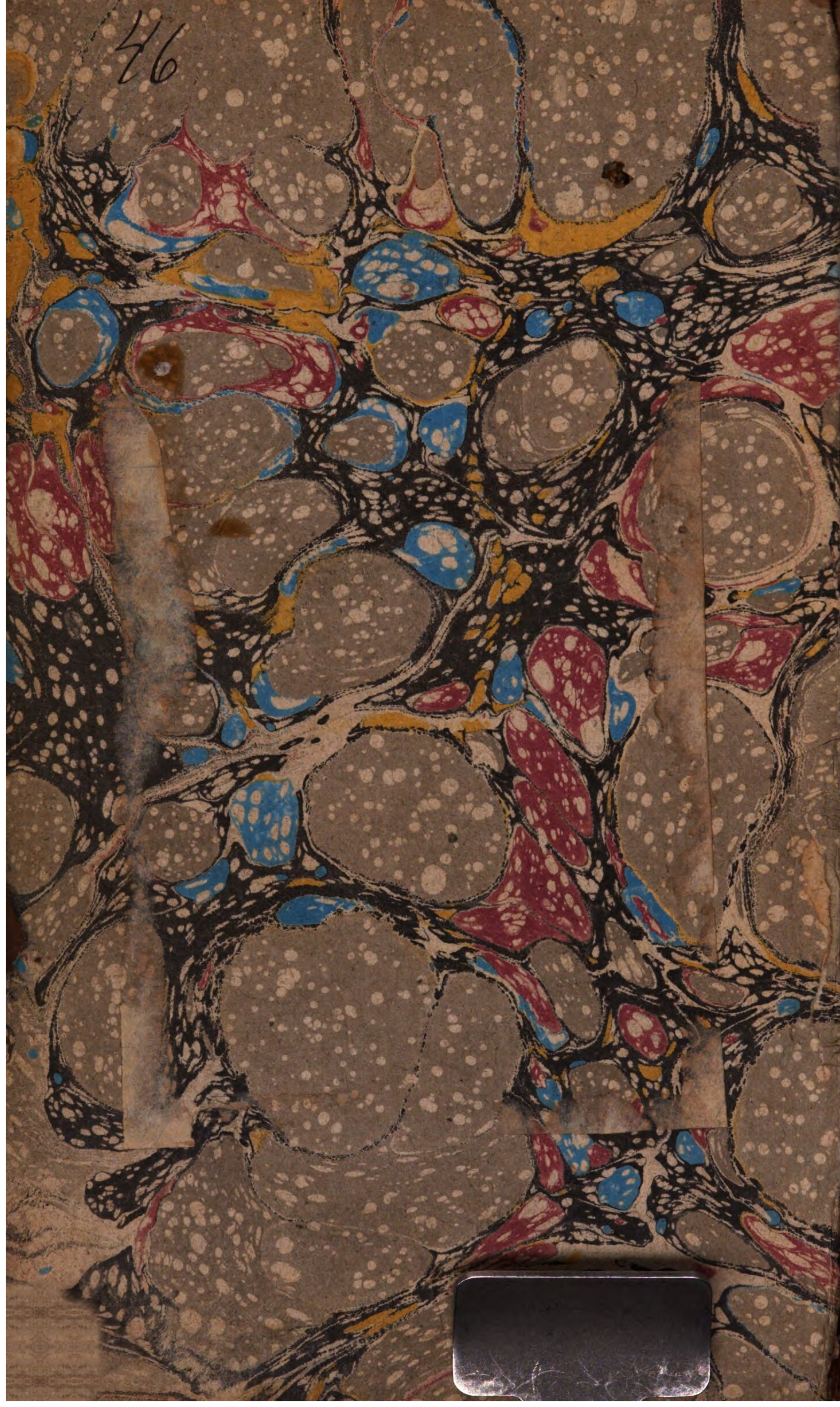
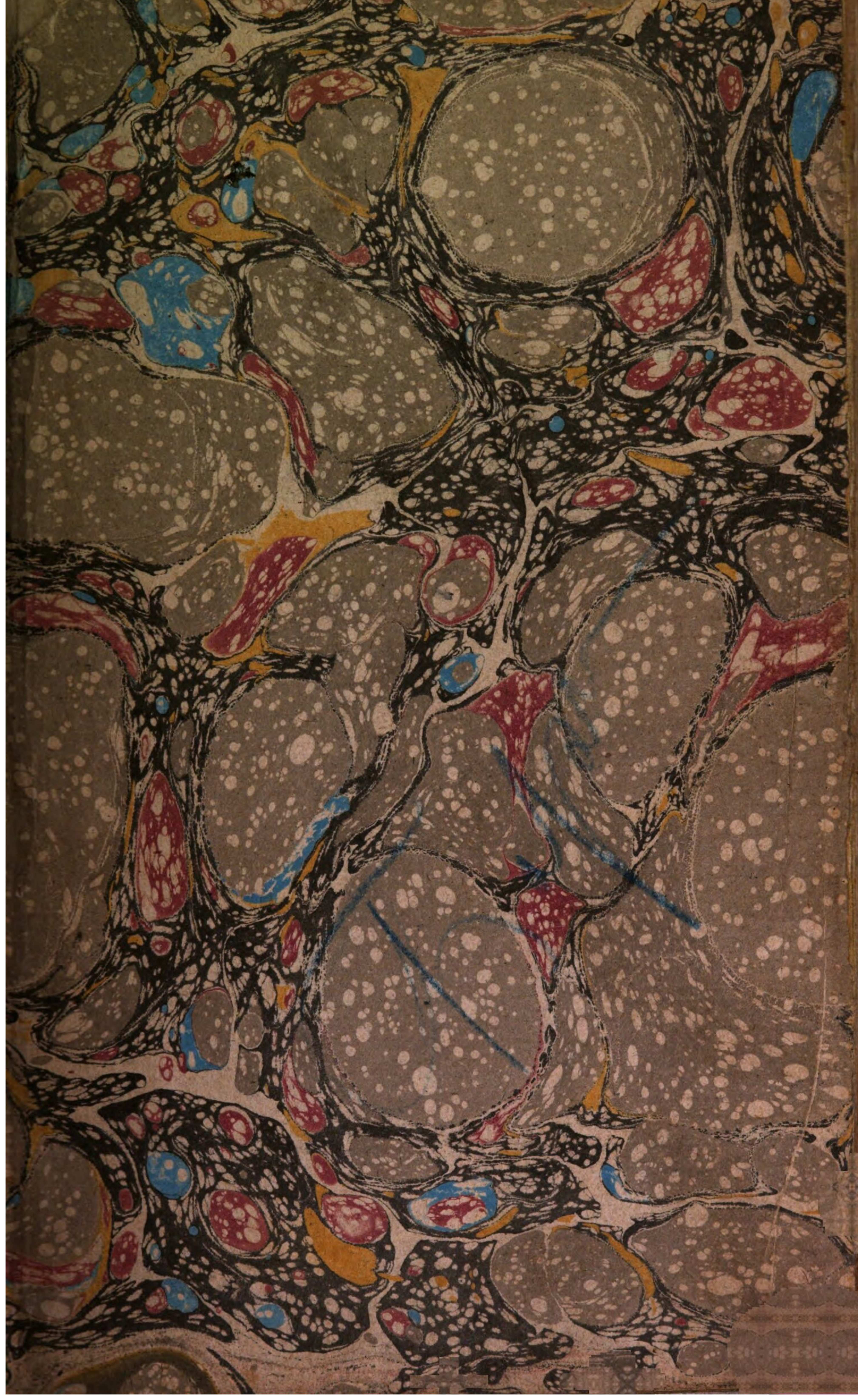

46

10

P. o. russ. 887

3465ⁿ / 41

Аполлѣ Озеровѣ
Богданови.

Зефиръ ему перо изъ крыль своихъ самъ далъ:
Амуръ возилъ рукой: онъ Душеньку писалъ.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ВОЛЬНЫХЪ СТИХАХЪ.

Б. 73

СОЧИНЕНІЕ

Ипполита Федоровича

БОГДАНОВИЧА.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ,

Въ точности напечатанное прошивъ перваго
изданія.

Съ гравированными картинками.

А. В. КОЖОРЕВА

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО.

1815.

79/72/139

3 + m

452.10

изд. 73

552
Bayerische
Staatsbibliothek
München

Издание шестое печатано 1811 года съ одобренія
Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго Университета.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Душенька, сїе прекрасное твореніе на нашемъ языкѣ, было при первомъ появленіи его въ свѣтъ сшоль благо-склонно принято Публикою, что первое изданіе разошлось въ скоромъ времени и Сочинитель осыпанъ былъ похвалами. Теперь есѣли счищать помѣщенную въ полномъ собраніи сочиненій Г. Богдановича, изданномъ мною въ прошедшихъ 1809 и 1810 годахъ и напечатанную мною же особо въ 1811 году (которой все изданіе невыпущенное еще въ свѣтъ, кромѣ 12 или 15 экземпляровъ, у меня оставшихся и состоящее изъ 2000 экземпляровъ, изшреблено пожаромъ при

нашествіи враговъ на Москву), издается Душенька седьмымъ изданіемъ, чего, какъ кажется, едвали о какой другой книгѣ на Рускомъ языкѣ, исключая только учебныхъ, сказать можно. Но о семъ послѣднемъ изданіи я за долгъ поставляю предварить Публику, что оно напечатано безъ поправокъ, сдѣланныхъ Авторомъ при второмъ и прѣшемъ изданіяхъ, а въ точности противъ перваго изданія 1783 году. Я здѣлалъ сіе по причинѣ, что многія особы находя сїи поправки не вездѣ удачными, желаютъ имѣть первое изданіе, а оно нынѣ сдѣлалось столь рѣдкимъ, что и весьма дорогою цѣною найсти трудно. Я всегда желалъ издать сіе твореніе съ приличною ему типографическою роскошью, но недоспапокъ здѣсь въ художникахъ не дозволялъ мнѣ исполнить моего желанія и нынѣ издавая его въ семъ видѣ, чувствую, что очень далеко не достигъ до своей

цѣли. У насъ нѣтъ Дидошовъ, Бервиковъ, Прюдомовъ; они безъ сомненія будутъ, а Душенька конечно доживетъ до того времени и издана будетъ въ такомъ видѣ, котораго она достойна. Превосходные художники, желая снискавъ себѣ славу, непременно воздвигнутъ когда нибудь сей памятникъ превосходному Поэту. Теперь же я здѣлалъ то, что могъ и чрезмѣрно буду доволенъ, если заслужу хотя малое одобреніе Публики.

П. Б.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ Боги спорили и гдѣ дрались герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! я въ помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Копору въ прошлое свободной я слагаю.
Не лиры громкій звукъ, услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди опъ мѣстѣ тебѣ пріятныхъ,
Подай мнѣ нѣжну мысль, и разумъ мой осмѣль
Коснушся щасія селеній благодатныхъ,
Гдѣ ты всегда безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ безъ скуки веселости одни.
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
Гдѣ Фебъ туманился и кроется опъ глазъ,
Яви попоки мнѣ чудесной Ипокрены;
Будь ты мой Аполлонъ и ты мой будь Парнасъ,
Содѣлай въ холодъ щасливы перемѣны,
Яви всегдашнюю свою весну у насъ.

Съ побою завсегда присушествують Зефиры,
 Бѣгушь ошъ мѣсшъ, гдѣ шы, докучные Сапиры,
 Хулы, и крипики, и грусти, и бѣды;
 Забавы безъ тебя приносяшъ лишъ труды;
 Веселья морщашся, Амуры плачущъ сирь.

О шы, пѣвецъ Боговъ,
 Гомеръ, опецъ стиховъ,
 Вездѣ умомъ богашыхъ,
 И равныхъ и двойчашыхъ,
 Проспи вину мою,
 Кошъ мѣрныхъ пѣсней я не спрою;
 Доволенъ мыслию простою,
 По вольному стиховъ покрою,
 На всякой образецъ крою,
 И малой мѣры, и большія,
 И часто риемы холосшыя,
 Безъ сочешанія законнаго въ стихахъ,
 Опважно спавлю на концахъ.
 А ешъли ошъ того усшану,
 Опважно и покойно спану,
 Забывъ чернилъ и перьевъ спрахъ,
 Забывъ сапиръ и крипикъ грозу,
 Писашъ безъ риешъ, иль просто въ прозу.
 Любя свободу я мою,
 Не для похвалъ себѣ пою;
 Но чшобъ въ часы забавъ, веселья и покоя,
 Пріятно разсмѣялась Хлоя.

Издравле Апулей, попомъ де-ла-Фоншенъ,
 На вѣчну память ихъ именъ,
 Воспѣли Душеньку и въ прозѣ и стихами,
 Другимъ языкомъ съ нами.
 Въ сей повѣсти они
 Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили,
 Перомъ ихъ, кажется, что Граціи водили,
 Иль сами Граціи писали по одни;
 Но есѣли подражашъ ихъ слогу не возможно,
 Могу пославивъ въ свѣтъ свидѣтелями ихъ,
 Что въ вольныхъ я стихахъ моихъ,
 Писалъ за ними въ слѣдъ исторію не ложно,
 И точно по сказалъ, что люди знали въ спарь.

Во древней Греціи, въ то время,
 Когда размножилось по всюду Царско племя,
 Какъ въ каждомъ городкѣ былъ Царь,
 И, есѣли пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ олшарь,
 Межъ многими Царями
 Одинъ опличенъ былъ
 Числомъ военныхъ силъ,
 Умомъ, лицомъ, кудрями,
 Избыткомъ живошовъ,
 И хлѣба и скошовъ.
 Бывали шамъ сосѣди,
 И злы и хищны такъ, какъ волки иль медвѣди:
 Извѣстенъ Ликаонъ,
 Котораго писалъ исторію Назонъ;
 Извѣстно гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,
 За хищныя дѣла, и за кривые полки,
 Изъ Греческихъ Царей разжалованъ былъ въ еолки.

Но шопъ, о коемъ я хочу сказать шеперь,
 Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь:

 Былъ обществу полезенъ,
 И былъ Богамъ любезенъ;
 Достойно награждалъ,
 Достойно осуждалъ;

И еспъли находилъ онъ въ людяхъ звѣрски души,
 Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
 Инымъ коровій хвостъ, инымъ двѣ пары ногъ,
 Инымъ верблюжій горбъ, инымъ бараній рогъ.
 Опъ ѣдкой древности, копора все глошаешъ,
 Архива дѣлъ его не вся сбережена,
 Оспашокъ правъ его, однако, почишаешъ
 И самый поздный свѣшъ, по наши времена.
 Зависпливымъ велѣлъ безъ дѣла вѣкъ пруждашся,

 Чтобъ щасіе другихъ
 Всегда крушило ихъ,

И не моглибъ они покоемъ наслаждашся;
 Скупымъ опредѣлилъ у золоша сидѣшъ,

 На золото глядѣшъ,
 И золошомъ прельщашся,
 Но имъ не насыщашся;

Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщашся,
 И всѣмъ пошомкамъ ихъ далъ въ казнъ шакуюжъ спѣсь,
 Какая видима оспалась и поднесъ;

 Велѣлъ, чтобъ міръ ни въ чемъ не вѣрилъ
 Тому, кто лъспилъ и лицемѣрилъ;

 Клевешникамъ въ удѣлъ,

И доносишелямъ неправды Государю

 Вездѣ носилъ велѣлъ
 Пропиваѣишую харю,

Какая изъявлять клеветующих могла:

Такая видима была,
Не въ давномъ времени, въ Москвѣ на маскарадѣ,
Когда на Масленой, въ поржеспивенномъ парадѣ,
Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.

И словомъ:

Въ своемъ успавѣ новомъ,
Велѣлъ, чшобъ всякіе злонаравны чудаки,
Съ приличной надписью, носили колпаки,
По коимъ въ обществѣ ихъ люди узнавали,

И прочь ошъ нихъ бѣжали.

По общимъ мнѣніямъ успавъ сей былъ не спрогъ,

И нравился народу,

Копорый въ дѣло чшипъ не могъ

Сшаринную дурную моду,

Когда людей бросали въ воду,

Какъ будшо рыбій родъ,

По нѣскольку на всякой годъ.

Овидій, басенной исторіи писашель,

Копорый никогда неправды не сказалъ,

Овидій, общій нашъ и Греческій пріашель,

Подробно описалъ,

Какъ казни до сего у Грековъ были часты:

Преобращенные шогда въ быковъ Церасшы,

Цекроповъ цѣлый родъ, за злобу и обманъ,

Во спадо обезьянь;

Льсшецы, за низость душъ, въ лягушки,

Непостоянныя въ верпушки;

Болшливыя въ сорокъ;

Жестокосердые во мраморныи кусокъ;

Танпаль , Сизифъ и Иксиона ,
 За всяку злобу ихъ ,
 На вѣчной ссылкѣ у Плупіона ,
 И множество другихъ ,
 Почли бы всѣ себя за милость и за ласки ,
 Когда бы только Царь ,
 Дурную въ свѣтъ шварь ,
 Рядя въ дурные маски ,
 Наказывалъ спыдомъ .
 Такая нова власшь , безъ всякой спрогой казни ,
 Держала всѣхъ въ боязни ;
 И добрый Царь припомъ ,
 Друзей изъ доброй воли
 Откушашъ хлѣба соли
 Зывалъ въ свой Царской домъ .

О еспылибъ ты , Гомеръ , проснулся !
 Храня швоихъ героевъ чесшь ,
 Копоры , забывая месшь ,
 Любили часшо пипъ и ѣспъ ,
 Тыбъ , слыша сшихъ мой , ужаснулся ,
 Чшо слабый будучи пѣвецъ ,
 Тебѣ дерзнулъ я , наконецъ ,
 Подобипься , спиховъ ошець !
 Возможноль изъявишь достойно
 Великолѣпіе пировъ
 У Царскихъ Греческихъ Дворовъ ,
 О коихъ ты писалъ шоль спройно ?
 Я только лишь могу сказашь ,
 Чшо Царь любилъ себя казашъ ,

Иныхъ хвалишь, иныхъ пязашъ,
 Поѣспъ, попишь, и послѣ спашъ.
 А за такое хлѣбосольство,
 И болѣе за добрый нравъ,
 Отъ всѣхъ сосѣдственныхъ Державъ
 Явилось къ нему посольство.
 Особожь онъ тогда былъ славенъ изъ Царей,
 Имѣя въ домѣ шрехъ прекрасныхъ дочерей;
 Но солнце въ красотѣ своей,
 Когда вселенну освѣщаетъ,
 Луну и звѣзды помрачаетъ:
 Подобно такъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
 И спаршихъ сеспръ своихъ достоинства мрачила,
 И розы красоту, и бѣлизну лилей,
 И словомъ: ничего въ подобномъ видѣ ей
 Природа никогда на свѣстѣ не явила.

Искашь приличныхъ словъ
 Къ тому, что въ множествѣ вѣковъ
 Блиспало полъ опмѣнно,
 Напрасно было бы, и былобъ дерзновенно.
 Я только лишь скажу: меньшая Царска дочь,
 Отъ коей многіе вздыхали день и ночь,
 У Грековъ пошому Психея называлась.
 Въ языкахъ же другихъ, по полку мудрецовъ,
 Слыла она Душа; при переводѣ словъ,
 У Рускихъ Душенька она именовалась;
 И пишущъ, что тогда
 Изыскано не безъ труда
 Къ названію ея приличнѣйшее слово,
 Какое было ново,

Во славу Душенькѣ у насъ опѣ тѣхъ временъ
 Поспавлено оно народомъ въ лексиконѣ,
 Между пріятнѣйшихъ именъ,
 И ушвердила по любовь въ своемъ законѣ.

Но часто похвала
 Опаснѣй, чемъ хула.
 Зависпный міръ не любишь,
 Когда по всюду шрубишь
 И рѣжешь правду въ слухъ
 Болшпливая богиня Слава.
 Чужая честь, чужія права
 Зависпливыхъ шерзають духъ.
 Такая, Душенька, была швоя прослуга,
 Когда весь міръ, и вся Цишерская округа,
 Оспавя древнее прекрасно божество,
 Тебя едину обожали,
 И всѣ къ тебѣ бѣжали
 Твое умножишь шоржество.
 Соперницы швоей не знала шы печали!

Веселій, смѣховъ, игръ соборъ,
 Бѣжашъ полною изъ Цишера;
 Оспавлена опѣ всѣхъ Венера,
 Куда ни обратишь свой взоръ,
 Не видишь жершвъ и еиміамовъ;
 Жрецы шогда сшпада пасли,
 И множество Цишерскихъ храмовъ
 Травой и лѣсомъ поросли;
 Сады Богини сиропѣли,

И домъ являлъ опальный видъ ;
 Зефиры изрѣдка свисѣли :
 Казалось ей, свисѣли въ спыдѣ.
 Непостоянные Амуры ,
 Изъ храма прелешая въ храмъ ,
 Къ унылой пустошѣ Нашуры
 Не возмogli привыкнутьъ шамъ.
 Ошшуда всѣ лепѣшь хошѣли,
 И всѣ спорхнули , возлешѣли
 За Душенькою въ новый пущь ,
 Искать себѣ свободной нѣги ,
 Куда Зефиры спали душъ ,
 Куда шекли небесны бѣги.
 Оставшихъ малое число ,
 Крехтя подъ игомъ колесницы ,
 Скучающей своей Царицы ,
 Вездѣ унылосць лишь несло.

Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ вѣрнымъ,
 Узнала наконецъ Богиня красоты ,

Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ ,
 Причину вокругъ себя и скукъ и пустошны.
 Хошъ Душенька гнѣвишъ не мыслила Венеру ,
 Къ достоинствамъ Богинь имѣла должну вѣру ,
 И въ поступи своей всегда хранила мѣру ,
 Но вскорѣ всѣмъ хуламъ подвержена была.

Припомъ злорѣчивые духи ,
 О ней худые сѣя слухи ,
 Кривой давали шолкъ на всѣ ея дѣла ;
 И кои милоспей иль ждали, иль просили ,
 Во угожденіе Богинѣ доносили ,

Что будто Душенька, въ досаду ей и въ зло,
Присвоила себѣ Циперскихъ слугъ число;

И что кому угодно,
То каждый говорилъ на Душеньку свободно.

Но чѣобы дѣломъ месить
Надъ нею произвестъ,
Собравъ Венера ложь и всяку небылицу,
Велѣла на скоро въ дорожну колесницу
Шеснадцать почтовыхъ Зефировъ заложить;
Потомъ пустилась въ путь, Амура навѣспишь.
Чипашель самъ себѣ представилъ то удобно,
Просила ли его иль шакъ, или подобно,
Пришедъ на Душеньку просить и доносить:

« Амуръ, Амуръ! вступишь за честь мою и славу,
« Яви свой судъ, яви управу.
« Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слыхать:
« Прослая смертная, ругаяся Богами,
« Не спавишь ни во что твою бессмертную мать;
« Уже и нашими слугами
« Осмѣлилась повелѣвать,
« И въ обласняхъ моихъ надъ мной поржеспиговать.
« Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,
« Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?
« За ней гоняся, опъ насъ опходяшь прочь
« Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры,
« И скоро Душенькѣ послушны будутъ міры.
« Юпишерь самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,
« И слышно что беретъ себѣ ее въ супруги;
« Гречанку наглую, едва ли Царску дочь,
« Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!

« Какой ты будешь Богъ, и гдѣ твоей будешь прони
 « Когда ошъ нихъ другой родится Купидонъ,
 « Который у тебя ошымешъ лукъ и стрѣлы,
 « И нагло покоришъ подвласны намъ предѣлы?
 « Ты знаешь, дѣши всѣ Юпитеровы смѣлы:

« По волѣ ходяшъ въ небеса,
 « И всякія творяшъ на свѣшъ чудеса,
 « И можешъ ли перпѣшъ, что Душенька собою,
 « Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяешъ спрасшъ,
 « Какую возжигашъ одинъ имѣлъ ты власшъ?
 « Она давно уже смѣпся надъ побою,
 « И спавишъ въ торжесиво себѣ мою напасшъ.

« За честъ свою, за честъ Венеры,
 « Яви ты спрогоспи примѣры;
 « Содѣлай Душеньку нещасною во вѣкъ,
 « Чшобы пакой на ней женился человѣкъ,
 « Который былъ бы всѣхъ душей и пѣломъ хуже;
 « Чшобы она нашла себѣ пирана въ мужѣ,

« И мучилабъ себя
 « Жестокаго любя;
 Чшобы краса ея увяла,
 « И чшобы я покойна спала. » —

Амуръ желалъ тогда пресѣчь
 Сію просишельную рѣчь.
 Хотя онъ зналъ Венеры свойство
 Всегда соперницъ клеветашъ,
 Но долженъ былъ привести въ спокойство
 Свою озлобленную мать,
 И былъ ей долженъ обѣщашъ
 За дерзость Душеньку порядкомъ поспращашъ.

То слыша, вокругъ его Амуры ужаснулись,
 Весельи ахнули и смѣхи содрогнулись;
 Одна Венера лишь довольна шѣмъ была,
 Что гнѣвъ на Душеньку опъ сына навлекла:
 Назначила опъѣздъ во оспровъ свой обратно,
 Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно,
 И, въ изъявленіе опмѣнна поржества,
 Представила себя во славѣ божества.
 Опспавлена была воздушна колесница,
 Которую везла крылатая спаница,
 Съ прохладнымъ роздыхомъ, порозжую назадъ.
 Богиня древній свой устроила парадъ,
 И, въ раковину сѣвъ, какъ пишущъ на картинахъ,
 Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.

Амуръ, проспъря свой власный взоръ,
 Подвигнулъ весь Неппуновъ Дворъ.
 Узря Венеру, рѣзвы волны
 Текутъ за ней весельемъ полны.
 Трипоновъ водяной народъ
 Выходитъ къ ней изъ бездны водъ;
 Иной вокругъ ея ныряетъ,
 Продерзки волны усмиряетъ;
 Другой, крушась во глубинѣ,
 Жемчугъ ей ищетъ шамъ на днѣ,
 И всѣ сокровища изъ моря
 Тащитъ повергнувъ ей къ стопамъ;
 Иной, съ чудовищами споря,
 Прешишь касаешься симъ мѣспамъ;
 Другой, на козлы сѣвъ проворно,
 Со встрѣчными бранишь вздорно,

Раздапсья въ спороны велипть ,
 Возжами гордо шевелипть ,
 Опъ камней далъ пупъ свой правипть ,
 И дерзоспныхъ чудовищъ давипть ;
 Иной, съ презубчапымъ жезломъ ,
 На киптъ впереди верьхомъ ,
 Гоня далече всѣхъ съ дороги ,
 Даешъ вездѣ приказы спроги ,
 И , чтобы всякъ по вѣдапть могъ ,
 Предъ нею громко прубипть въ рогъ ;
 Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ ,
 Успѣвъ приплыпть къ Богинѣ сей ,
 Несешъ опломокъ горъ хрушпальныхъ
 Намѣсто зеркала предъ ней.
 Сей видъ пріятности обновляешъ
 И радостъ на ея челѣ :
 О , есплибъ видъ сей , онъ вѣщаешъ ,
 Остался вѣчно въ хрушпалѣ !
 Но щещно по Трипону желаешъ :
 Изчезнешъ сей призракъ какъ сонъ ,
 Оспанешся одинъ лишь камень ,
 А въ сердцѣ лишь несчастный пламень ,
 Копорымъ впуне шлѣешъ онъ.
 Иной, приспавъ къ Богинѣ въ свипу ,
 Опъ солнца спавипть ей защишу ,
 И прохлаждаешъ жаркой лучъ ,
 Пуская къ верьху водный ключъ.
 Сирены , сладкія пѣвицы ,
 Мѣжъ пѣмъ поюпть спихи ей въ Chesъ ,
 Мѣшаюпть съ былыми небылицы ,
 Ея спараясь превознеспть .

Иныя передъ нею пляшутъ,
 Другія во услугахъ шутъ,
 Предупреждая всякой трудъ,
 Богиню опахаломъ машутъ;
 Другіяжъ, красотамъ дивясь,
 Подносятъ ей цвѣтошну вязь.
 Сама Феида ихъ послала
 Для малыхъ и большихъ услугъ,
 И только для себя желала,
 Чшобъ дома былъ ея супругъ.
 Въ благопріятнѣйшей погодѣ
 Не смѣютъ бури шамъ приспашъ,
 Одни Зефиры лишь въ свободѣ
 Венеру могутъ лобызашъ.
 Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
 Какъ въ вѣяннѣ пшенично семя,
 Лепяшъ обратно бѣглецы,
 Зефиры древни наглецы;
 Иной власы ея взвѣваетъ,
 Межъ тѣмъ, открывъ прелестну грудь,
 Переспаетъ на время душъ,
 Власы съ досадой опускаетъ,
 И съ ними, спускавшись, лепишъ;
 Другой, невѣдомымъ языкомъ,
 Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ,
 Любовь ей на ухо свиспишъ;
 Иной, пытаясь безъ надежды
 Сорватъ покровъ другихъ красотъ,
 Въ сердцахъ вершишъ ея одежды,
 И падаетъ безъ смѣль средъ водъ;
 Другой въ уста и въ очи дуешъ,

И ихъ украдкою цѣлуешъ.
 Гонясь за нею волны шамъ,
 Толкаюшъ въ ревности другъ друга,
 Чпобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
 Смирено пасъ къ ея ногамъ;
 И всѣ въ усердіи Венеру
 Желаютъ провожатъ въ Цицеру.

Не въ долгомъ времени пришла къ Богинѣ вѣсть,
 Которую Зефиръ спѣшилъ скорѣй принестъ,
 Что бѣдство Душеньки переходитъ всяку мѣру;
 Что Душенька уже оставлена опъ всѣхъ,
 И что вздыхашели, какъ будто ей въ посмѣхъ,
 Опъ всякой встрѣчи съ ней повсюду удалялись;
 Или къ опцу ея во Дворъ хощя являлись,
 Однако, въ Душеньку ужъ болѣ не влюблялись,
 И къ ней не подходили вблизи,
 А только издали ей низко поклонялись.

Такой чудесъ преспранный родъ
 Смушилъ во Греціи народъ.
 Бывали шамъ попопы, моры,
 Пожары, хлѣба недородъ,
 Войны и внутренни раздоры;
 Но случай сей для всѣхъ былъ новъ.
 Сказашели различныхъ сновъ,
 И вопрошашели Боговъ,
 О помъ имѣли разны споры.
 Иной предвидѣлъ добрый знакъ;
 Другой сулилъ напаси скоры;
 Иной, напушавъ много вракъ,
 Не сказывалъ ни шакъ, ни сакъ:

Но всѣ согласно утверждали;
 Что чудъ подобныхъ не видали
 Во Греціи съ начала вѣкъ.
 Простой народъ тогда въ печали
 Къ Венерѣ вопіялъ пришекъ:
 За что Судьбы къ народу гнѣвны?
 За что вздыхашели бѣжали оны Царевны?
 Извѣстно, что ея ошмѣнная краса
 Пропивныя тому являла чудеса.
 Венера, наконецъ, рѣшила всѣхъ судьбину:
 Явила Греціи сокрытую причину,
 За что Царева дочь теряетъ прежню честь;
 И противъ ней свою неуполиму мещъ;
 И съ видомъ грознымъ и суровымъ
 Велѣла сродникамъ Царевны бытъ гошовымъ
 Еще къ несчастьямъ новымъ,
 Пока ее они
 Не приведутъ къ ней въ руки;
 На всѣ оставши дни
 Терпѣть различны муки.

Но Царь и вся родня
 Любили Душеньку безъ мѣры,
 Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
 Моглиль предасть ее на мщеніе Венеры?
 И всѣ въ единый гласъ
 Богинѣ на опказъ
 Возопіяли смѣло,
 Что то несбыточное дѣло.
 Иные подняли на смѣхъ ее олшарь;
 Другіе сшали горько плакать;

Другіежъ , не дослушавъ , плакашъ ,
 Когда лишь слово скажешъ Царь ;
 Иные Душенькѣ въ ушѣху говорили ,
 Чшо поль особая вина
 Для ней похвальна и славна ,
 Коль люди въ спыдѣ Богинь ее богошворили ;
 И чшо Венеры къ ней и ненависшъ и месшъ

Ея умножашъ чесшъ.

Слова шѣ Душенькѣ хошя пріятны были ,
 Но были бы милѣй ,
 Когда бы ихъ шогда сказалъ любовникъ ей .
 Ошъ гордосши она скрывала
 Печаль свою при всѣхъ глазахъ ,
 Но въ шайнѣ часпо унывала ,
 Себя несчастной называла ,
 И часпо, въ горесшныхъ слезахъ ,
 Къ Амуру вопіяла :

« Амуръ , Амуръ , веселій Богъ !
 « За чшо ко мнѣ суровъ и спрогъ ?
 « Давно ли всѣ меня искали ?
 « Давно ли всѣ меня ласкали ?
 « Въ побѣдахъ я вела часы ,
 « Могла плѣняшъ , любилъ по волѣ ;
 « За чшо теперъ въ несчастной долѣ ?
 « Къ чему полезны мнѣ красы ?
 « Бѣдишшая въ поляхъ паспушка
 « Себѣ имѣешъ паспуха :
 « Одна лишь я ни съ кѣмъ не дружка ,
 « Не бывъ дурна , не бывъ лиха !

« Одной ли мнѣ любить зазорно ?
 « Но естѣли щасѣе поль упорно,
 « И такъ судили Небеса,
 « Поди ты, Душенька, въ лѣса,
 « Бѣги, бѣги людей опѣ нынѣ,
 « И лучше ты живи въ пустынѣ ! »

Межъ тѣмъ, какъ Душенька, шая свою печаль,
 Опѣ всѣхъ своихъ родныхъ уйши собиралась вдаль;
 Они тогда о ней не менѣе крушились,
 И сами ей вездѣ искали жениховъ;
 Но всюду женихи спрашились
 Гнѣвишь Венеру и Боговъ,
 Которы видимо прошиву согласились.
 Никпо на Душенькѣ женишься не хопѣлъ,
 Или никпо не смѣлъ.
 Впослѣдокъ сродники, совѣповавъ, рѣшились
 Спросишь Оракула о будущихъ судьбахъ.
 Оракулъ далъ опвѣшь, въ порядочныхъ спѣихахъ,
 А къ нимъ жрецы - пророки
 Прибавили еще свои для шолку спроки;
 Опвѣшь же былъ пришомъ не менѣ безшолковъ,
 И слово въ слово былъ шakovъ:

« Супругъ для Душеньки, назначенный Судьбами,
 « Естѣ чудо съ крыльями, которо' всѣхъ язвишь,
 « Смущаешь обласпи и часто ихъ крушишь,
 « Всегда грызешь сердца, пишаешься слезами,
 « Всегда оружіе имѣешь на плечахъ,
 « Спрѣляешь, ранишь, жжешь, оковы налагаешь,
 « Коль хочешь: на землѣ, коль хочешь: въ небесахъ;

« И самый Спиксъ ему пущей не претраждаетъ.
 « Судьбы и Боги всѣ, опредѣляя шакъ,
 « Сыскашъ къ супругу пущъ дающъ особый знакъ:
 « Царевну пущъ ведущъ на самую вершину
 « Горы, копорая не видима ошсель,
 « И выше всѣхъ спойшъ за придевашъ земель,
 « А шамъ ее одну оспавашъ на судьбину,
 « На радосшъ и на скорбъ, на жизнь и на кончину. »

Ошвѣшъ сей сродниковъ въ сомнѣніе привель,
 И неописанный въ нихъ ужасъ произвелъ.

О праведные Боги!

Возможноль, чшобы вы шолико были спроги?

И ешъли въ шомъ какая спашъ,
 Чшобъ Душеньку на вѣкъ чудовищу ошдашъ,
 Къ копорому никшо не вѣдаешъ дороги?
 Родные шако всѣ гласили во слезахъ;

И кои знали всяки сказки,
 Предспавили себѣ чудовищъ злыхъ привязки,
 И люшой смерши спрахъ,
 Иль въ лапахъ, иль зубахъ,
 Гдѣ жишъ ей будешъ шѣсно.

Ошъ нянекъ было имъ давно не безъизвѣшно
 О сущесшвѣ шакихъ и змѣевъ и духовъ,
 Кошоры широко горшани раззѣвающъ,
 И чшо пришомъ у нихъ видающъ
 И семь головъ, и семь роговъ,
 И семь, иль болѣе хвостовъ.

Ошъ разныхъ спраховъ сихъ родные возмущались;
 Пошомъ, безъ дальныхъ словъ,
 Завыли множесшвомъ различныхъ голосовъ;

Царевну проводить до мѣста общались,
 И съ нею навсегда заранѣ прощались.
 Не знали только, гдѣ высокая гора,
 Къ которой Душеньку отправить надлежало;
 Оракуль не сказалъ, или сказалъ, да мало;
 Въ которой споронъ? Далечель отъ двора?

Въ какую тамъ явисься пору?

И какъ зовуть такую гору?

Синай, или Ливанъ, или Тавръ, или Кавказъ?
 И кои въ Душенькѣ высокой разумъ чтили,

Догадываясь, мнили,

Что должно ѣхать съ ней имъ прямо на Парнасъ;
 Извѣстно было имъ, что нѣкоторы музы

Имѣли съ ней союзы;

Что Душенька отъ нихъ училась пѣсни пѣть,
 И таинство красотъ Парнаскихъ разумѣть;
 Но тѣ, которые испорію чинили,

Противу предлагали,

Что Музы испари проводящъ въ дѣвствѣ вѣкъ,
 И никакой шуда не ходишь человекъ,

Что тамъ нельзя найсти ей мужа,

Къ помужъ отъ Сѣвера бываетъ часто спужа,

И у Каспальскихъ водъ,

Хотя мѣста тѣ святы,

Нерѣдко замерзалъ народъ.

Иные, изобразъ жарчайшіе климаты,

Хотѣли Душеньку во Африку везти,

Гдѣ змѣи лютые въ чести;

Припомъ, послѣдую Оракулову гласу,

Иные думали везти ее къ Апласу,

Узнавъ , что та гора , касаяся небесъ ;
Издревле множествомъ прославилась чудесъ ;

И мнили , что по сей примѣшъ ,
Оракуль точно такъ сказалъ въ своемъ оповѣшъ .
Но люди смѣлые изъ плачущей родни .
Предсказали , храня ея цвѣтущи дни ,
Что змѣи тамъ легко Царевну могутъ скушать ,
Что въ томъ Оракула никакъ не должно слушать ;
И громко вся родня , безъ дальняго суда ,
Воскликнула тогда ,
Что Душенька ошнудъ изъ дома не поѣдишь ,
И что Оракуль бредишь .

Въ Совѣшъ , наконецъ ,
Родня Царевнина и Царь , ея опецъ ,
Желали лучше всѣ , Боговъ прошиваясь власпи ;
Терпѣшь гоненія и всякія напасши ,
Чемъ Душеньку везши
На жертву безъ пущи ;
Но Душенька сама была великодушна ,
Сама Оракулу хопѣла бышь послушна .
Иль можетъ бышь и шакъ , чтобъ мнѣ не обманушь ,
На свѣшъ сскупивъ безъ супруга ,
Искала , наконецъ , себѣ такого друга ,
Ктобъ ни былъ , гдѣ нибудь .

А чтобъ видна была роднѣ ея услуга :
« Живите въ щастіи — она сказала имъ —
« Я васъ должна спасши нещаспиемъ моимъ .
« Пускай свершается Боговъ безсмертныхъ воля ,
« И еспѣли я умру : моя такая доля . »

Межь тѣмъ, какъ Душенька вѣщала шакъ опцу ;

Совѣшъ пусшился плакашъ снова ;

Никто опъ гореспи не могъ промолвишъ слова ,

И слезы шупъ у всѣхъ кащились по лицу :

Но въ гореспиѣишемъ плачѣ

Никто съ Царицею сравнишъся не возмогъ :

Она пускала спонъ и жалобы всѣхъ паче ;

То , памяшъ пошерявъ , валялась часпо съ ногъ ;

То въ гореспи, шеряя мѣру ,

Ругала всячески Венеру ;

Иль , крѣпко въ руки ухваща

Свое любезное дитя ,

Кричала громко предъ народомъ ,

И всѣмъ своимъ клялася родомъ

Доколь она жива ,

Не спавишъ ни вочпо Оракула слова ;

И что ни для какого чуда

Не пусцишъ дочери опшуда.

Но хопъ кричала шо во всю большую мочь ,

Однако , вопреки Амуръ, Судьбы и Боги ,

Оракулъ и жрецы , родня, опецъ и дочь ,

Велѣли сухари гошовишъ для дороги.

Во время оныхъ лѣшъ

Оракулъ въ Греціи споль много почишался ,

Что каждый исполняшъ слова его спарался ,

И самъ искалъ себѣ преднареченныхъ бѣдъ ,

Дабы сбывалось шо неложно ,

Что шолько предсказащъ возможно.

Царевна осшавляетъ градъ;
 Въ дорогу сказанъ былъ нарядъ.
 Куда? Опъ всѣхъ по было тайно.
 Царевна, наконецъ, умомъ
 Рѣшила неизвѣстность въ помъ,
 Какъ всѣ дѣла своимъ судомъ
 Она рѣшила обычайно:
 Сказала всей роднѣ своей,
 Чѣмъ только въ пущь ее прилично снарядили,
 И въ колесницу посадили,
 Безъ кучера и безъ вожжей,
 Пущя по волѣ лошадей:
 « Судьба, сказала, будешь править,
 « Судьба, конечно, приведешь,
 « На мѣсто щастія иль бѣдъ,
 « Гдѣ должно вамъ меня осшавить. »
 По шаковымъ ея словамъ,
 Недолги были сборы шамъ.

Гопова колесница,
 Садися Царска дочь и съ нею мамъ Царица,
 Копора Душеньку, не могли удержашъ,
 Желаетъ провожашъ.

Тронулись лошади, не ждавъ себѣ уряда:

Везущъ безъ поводовъ,
 Везущъ съ двора, везущъ изъ града,
 И, наконецъ, везущъ изъ крайнихъ городовъ.

Въ сей пущь, коропкѣй или дальный,
 Устроены были Царемъ порядокъ погребальный:

Шеснадацашъ челоѣкъ несли вокругъ свѣчи
 При самомъ свѣтѣ дня, подобно какъ въ ночи,
 Шеснадацашъ челоѣкъ, съ печальною музыкой;
 Унывный пѣли стихъ въ пропѣжності великой;
 Шеснадацашъ челоѣкъ, немного пѣхъ позадь,
 Несли хрустальную кровашъ,
 Въ кошорой Душенька любила почивашъ;
 Шеснадацашъ челоѣкъ, поклавши на подушки,
 Несли Царевнины шамбуры и коклюшки,
 Кошоры клала шамъ сама Царица мамъ,
 Дорожный шуалешъ, гребенки и булавки,
 И всякія къ тому пошребныя прибавки;
 Пошомъ, въ парадъ шель жрецовъ усасныхъ полкъ,
 Стихи Оракула неся передъ собою;
 Тушъ всякъ изъ нихъ стихамъ давалъ различный полкъ,
 И всякъ желалъ пришомъ скорѣй дойти къ покою;
 За ними шель сикклишъ, и всякъ высокій чинъ;
 Впослѣдокъ ѣхала печальна колесница,
 Въ кошорой съ дочерью сидѣла мамъ Царица.
 У ногъ ея стоялъ серебряный кувшинъ:
 То былъ плачевный урнъ, какой спаринны Греки
 Давали въ даръ, когда прощались съ кѣмъ на вѣки.
 Ошець со ближними у колесницы шель,
 Боговъ прося о всякомъ благѣ,
 И предавъ Судьбамъ расправу Царскихъ дѣлъ,
 Свободно на пуши вздыхалъ при каждомъ шагѣ.
 Взирая на Царя, ошъ всѣхъ споронъ народъ
 Толпился близко колесницы,
 И каждый до своей границы
 Съ Царевной шель въ походъ.

Иные хлипали, другіе громко выли,
 Не вѣдая, куда везушь и дочь и машь;
 Другіе же, по виду, мнили,
 Чшо Душеньку везушь живую погребашь;

Иные по пуши сорили
 Предъ нею вѣшвыи и цвѣшвы:
 Другіе въ чесшь ей гимны пѣли,
 Прилично славя красшвы,
 Какія въ первый разъ узрѣли

И, возвращаясь въ домъ,
 За диво возвѣщали;
 Другіежъ божесшвомъ
 Царевну называли.
 Вошще жрецы кричали,
 Чшо ша Царевнѣ чесшь
 Прогнѣваешъ Венеру,
 И, слѣдуя манеру,
 Толчкомъ, и какъ ниесшь,
 Хошѣли прочъ опшнесшь
 Народъ опъ сей напасши;
 Но всѣ, прошиву власши,
 Забывъ Венеры вредъ
 И всю возможность бѣдъ,
 Толпами шли насильно
 За Душенькою въ слѣдъ
 Усердно и умильно.

Уже, чрезъ нѣскольکو недѣль,
 Проѣхали они за придевящъ земель,
 Но въ нихъ ни одного пригорка не видали;

И кои болѣ успали,
 Со всякой бранью возроптали,
 Чпо шли куда, не знали.

Впослѣдокъ ѣдучи пушемъ и вдоль и вкругъ;
 Къ одной горѣ они лишь шолько подспунили,
 Тамъ сами лошади оспановились вдругъ
 И далѣе не шли, сколь много ихъ ни били.
 Тогда шамъ всѣ Судебъ признаки находили,
 Признаки шѣ жрецы согласно подшвердили,
 И всѣ сказали вдругъ, чпо должно шочно шамъ,
 На высотѣ горы, Оракуловымъ словомъ,
 Оспавишъ Душеньку у неба подъ покровомъ.
 Вручающъ всѣ ее хранителямъ Богамъ,
 Ведущъ на высоту по камнямъ и пескамъ,

Гдѣ знака нѣшъ дороги,
 Едва подъемля вверхъ свои успалы ноги,
 Чрезъ камни, чрезъ бугры, и чрезъ глубоки рвы,

Гдѣ нѣшъ ни лѣсу, ни шравы,
 Гдѣ алчныя рыкающъ львы;
 И хонъ жрецы людей къ ошвагѣ
 Увѣщевали въ сихъ мѣспахъ,

Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ,
 Вспрѣчали новый спрахъ:
 Ужасныя пещеры,
 И къ верху крушизны,
 И къ безднѣ глубины,
 Безъ вида и безъ мѣры.

Инымъ шамъ видѣлись Мегеры,
 Инымъ лепучи Дромадеры,
 Инымъ Драконы и Церберы,
 Кошоры ревами, на разные манеры,

Глушили слухъ,

Мушили духъ.

Но Царь и дочь пошли, и свита въ слѣдъ пустилась;

Оспалась на цуши одна Царица мать,

Не могли далѣе шагать,

И съ Душенькой на вѣкъ, поплававъ, тамъ проспалась.

Хрустальная кровась

Въ рукахъ несущихъ сокрушилась;

И многіе ошъ спрахъ тушь,

Имѣя многой трудъ,

Немало шапокъ пороняли,

Копоры тамъ Драконы жрали.

Иные по кусшамъ одежды изодрали,

И, нагопы имѣя видъ,

Едва могли прикрышь ошъ глазъ спороннихъ спыдъ.

Оспалось, наконецъ, лишь нѣсколько булавокъ,

И нѣсколько спиховъ Оракула для справокъ.

Но можноль описатьъ перомъ

Царя погда съ его Дворомъ,

Когда на верхъ горы съ Царевной всѣ явились?

Чишашель самъ себѣ предспавишь по умомъ.

Я только лишь скажу, что съ нею всѣ проспились;

И напослѣдокъ Царь, согнутый скорбью въ крюкъ,

Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.

Тогда и дневное свѣшило,

Смошря на горестъ сихъ разлукъ,

Казалось, будто сокращило

Обыкновенный въ мірѣ кругъ,

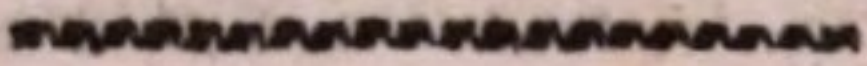
И въ воды спряшашся спѣшило.

Тогда и ночь,

Одну увидѣвъ Царску дочь,

Покрылась чернымъ покрываломъ,
И помнѣйшимъ лучемъ, едва свѣпящихъ звѣздъ,
Открыла въ мрачности весь ужасъ оныхъ мѣстъ,
Тогда и Царь скорѣй предпринялъ свой отъѣздъ,
Не вѣдая конца за шоль слѣпымъ началомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Но гдѣ возьму черпы
Представишь страхъ, какой являла вся Природа,
Увидѣвъ Душеньку въ пространствѣ темношы,
Оставшу безъ отца, безъ матери, безъ рода,
И словомъ: вовсе безъ людей,
Между Драконовъ и звѣрей?
Тутъ все, что Царска дочь ошъ нянюшекъ слыжала,
Или что въ повѣстяхъ ужаснѣйшихъ чиняла,
Представилось ея смущенному уму.
Спрашилище Духовъ, волшебные призраки,
Различныхъ шамъ смертей являли ей признаки,
И мрачной ночи сей усугубляли шьму;
Но Душенька едва свои уста открыла,
Печальну жалобу на небо произнесъ,
Помчалась къ небу вдругъ, куда никто не вѣсть:
Безъ крылъ несла ее невидимая сила;
И Царское дитя,
Едва не обмерло, по воздуху летя.

М

Невидимый Зефиръ, воздушный Нимфъ носитель,
 Который былъ ея и спутникъ и хранитель,

Увидѣвъ рѣдку красоту,

Запомнилъ Душеньку увѣдомишь сначала,

Какая власъ его послала

Ее восхищать въ высоту;

Всѣ мысли устремилъ къ неслыханному диву,

И вѣ себя взвѣвалъ ей плащье налещу.

Но видя, наконецъ, онъ Душеньку чужь живу;

Пріятнымъ голосомъ сей спрахъ ея пресѣкъ,

Сказалъ ей съ тихосшью, приличною Зефиру;

Что онъ несетъ ее къ блаженнѣйшему міру,

Къ супругу, коего Оракулъ ей прорекъ;

Что сей супругъ давно вздыхаетъ безъ супруги,

Что къ ней Зефировъ полкъ назначенъ во услуги;

Даль вѣдашь о себѣ, ошкоть и кпо таковъ,

И множесшво припомъ сказалъ ей лесныхъ словъ.

Амуры, вокругъ лещя, шѣ рѣчи подшвердили,

И Душеньку тогда опъ спрахъ свободили.

Чрезъ нѣсколько минушъ Зефиръ ее вознесъ

Къ селеню нѣкому межъ облакъ и небесъ,

Поспавилъ средь двора: и вдругъ ошполь исчезъ.

Тутъ взорамъ Душеньки ошкрылась шьма чудесъ:

Сквозъ роцу миршовыхъ и пальмовыхъ деревесъ.

Великолѣпные представились черпоги,

Блещящіе среди безчисленныхъ огней,

И розами вездѣ усыпанны дороги;

Но розы блѣдный видъ являютъ передъ ней;

Невиданной работы

Агашныя ворошы

Съ чешырехъ всѣхъ споронъ;

Сафирные столбы, изъ яхонта балконъ,
 Злашые куполы и спѣны изумрудны,
 Простому смертному должны казаться чудны;
 Единымъ лишь Богамъ сіи дѣла непрудны.
 Таковъ былъ первый видъ, чипашель, примѣчай,
 Для Душеньки, когда изъ мрачнѣйшей пущыни
 Она, во образъ лепящей вверхъ Богини,
 Нечаянно внеслась въ усроенный ей рай.
 Въ надеждѣ на Боговъ, съ щасливымъ шоль признакомъ,

Едва она спутила разъ,

Бѣгутъ на встрѣчу къ ней пошчасъ,

Изъ дома сорокъ Нимфъ въ нарядѣ одинакомъ.
 Имъ Душенькинъ приходъ приказано сперечь,
 И старшая изъ нихъ, съ пренизкимъ ей поклономъ,
 Опъ имени подругъ, почтительнѣйшимъ пономъ,
 Сказала должную привѣтственную рѣчь.
 Лѣсные жилили, своимъ огромнымъ хоромъ

Попомъ пропѣли раза два

Опъ Нимфъ ей сказанны похвальныя слова,
 И къ ней служишь лепящъ Амуры всѣмъ соборомъ.
 Царевна ласково, на каждую ей чесъ,
 Опвѣтствовала всѣмъ, по знакомъ, по словами.
 Зефиры въ шѣсношѣ, полкаясь головами,
 Хотѣли въ домъ ее привесъ, или принесъ;
 Но Душенька имъ всѣмъ велѣла бышь въ покоѣ,
 И къ дому шла сама среди различныхъ слугъ,
 И Смѣховъ и Ушѣхъ, лепяющихъ вокругъ.
 Чипашель! шакъ видалъ пы машку въ пчельномъ роѣ,
 Когда юнѣйшій родъ, оспавя старыхъ пчелъ,
 Буншуешъ, рѣзвишся, журчишь и вдаль лепашъ,

Но за Царицею, котору почишають,
Смирятся, лепишь на новый свой удѣлъ.

Царевна, посреди сихъ почестей опмѣнныхъ,
Не знала духъ ли былъ, иль просто человѣкъ,
Обѣщанный супругъ, власпишель мѣстъ блаженныхъ,
Котораго предъ симъ Зефиръ, въ словахъ смященныхъ,
Ей только предвѣспилъ, но прямо не нарекъ.
Вступая въ домъ, она супруга зрѣшь желала,
И съ неперифніемъ служащихъ вопрошала;
Но вся сія толпа, котора съ нею шла,

Или вокругъ лeshала,
Увѣдомишь ее подробнѣй не могла,
И Душенька о немъ въ незнаніи была.
Межъ тѣмъ она прошла крыльцовыя степеней,
И введена была въ пространиѣшія сѣни,
Откуда во всѣ края, сквозь множество дверей,

Открылся передъ ней
Прекрасный видъ алей,
И рощей и полей;

И болѣе, попомъ, высокіе балконы
Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны;
Царевна райскіе увидѣла сады,
И прежніе свои забыла всѣ шруды.
Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чершогы,
Какіе созидашь лишь только могутъ Боги,
И тамо Душеньку, къ прохладѣ ошъ дороги,
Въ гошовую для ней купальню привели;
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору вмѣсто водъ повсюду собирали;
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали;

Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,

И благовонныя работали ей мылы,

Какими моющся воспочные Цари,

Для нѣскокой въ нихъ силы.

Царевна въ оный часъ, хоща и со стыдомъ,

Со споромъ и прудомъ.

Какъ водишся припомъ,

Взирая на обновы,

Какія были шамъ гошovy,

Дозволила сложишъ съ красотъ своихъ покровы;

Но слугъ различныхъ полкъ, предъ шѣмъ опдавъ поклонъ,

Быль долженъ выйдши вонъ.

Амуры за дверьми, не бывъ при ней въ услугъ,

Тогда лишь слѣдъ ея лобзали на досугъ.

Зефирыжъ хищныя, имѣя входъ вездѣ,

Запѣмъ, чпо роспомъ мелки,

У оконъ и дверей нашли малѣйши щелки,

Прокрались между Нимфъ и спряшались въ водѣ,

Гдѣ Царска дочь купалась:

Она предъ ними шамъ во всей красѣ являлась,

Иль паче имъ касалась;

Но Душенька о шомъ никакъ не догадалась.

Зефиры, коихъ я щаспливѣйшими чшу!

Вы шамо видѣли Царевны красоту;

Зефиры! вы меня какъ должно научите

Сказашъ чишашелямъ, иль сами вы скажите,

Всѣ часши, всѣ чершы,

И всѣ пріятности Царевнины подробно,

Кошорыхъ разуму предсшавишъ неудобно;

Вы видѣли шогда не сонъ и не мечшы. . . .

Молчанье ваше разумѣю :
 Къ изображенію божественныхъ даровъ,
 Пошребенъ вамъ и мнѣ особый даръ Боговъ ;
 Я Душеньки красоту описывать не смѣю.

Царевна вышедши изъ бани, наконецъ,
 Съ улыбкою свои раскидывала взгляды,
 На изгошовленны ей плашья и наряды

И нѣкакой вѣнецъ.

Ее одѣли шамъ, какъ Царскую особу,

Въ богашѣйшую робу.

Непрудно разумѣшь, что для ея услугъ,

Горспями сыпались каменья и жемчугъ,

И всяки рѣдкости невидимая сила,

По слову Душеньки, мгновенно приносила ;

Иль лучше, такъ сказашь, что мысль ея шворила,

Коль вещи съмыслями предъ ней являлись вдругъ.

Плѣнялся своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ,

Желаешь ли она смотрѣться въ зеркала :

Онѣ раждающся ея единымъ взглядомъ,

И по спѣнамъ спояшь предъ ней великимъ рядомъ,

Дабы краса ея удвоена была.

Увидѣвъ шамъ себя, лицомъ, плечемъ и задомъ,

Опъ головы до ногъ,

Легко могла судишь Царевна на досугъ

О будущемъ супругъ,

Что онъ, какъ видно, былъ гораздо не убогъ.

Межъ шѣмъ, къ ея услугъ,

Въ ближайшей залѣ былъ къ обѣду споль гошовъ.

Тамъ фспвы и напишки

Являли всѣхъ сластей довольство и избытки.

Тамъ нектаръ всѣхъ родовъ,
 И все, что для Боговъ,
 Въ роскошнѣйшемъ жилищѣ,
 Могло служишь къ ихъ пищѣ,
 Сстояло передъ ней во множествѣ рядовъ.
 Та пища, красоты и силы придавала,
 И Душенька пруды, покушавъ, забывала.
 Амуры, чтобъ припомъ ей ревностъ изъявишь,
 Хозяйски должностъ спарались раздѣлишь:
 Иной былъ кравчимъ шамъ, другой носилъ посуду,
 Иль рюмки наливаль, и всякъ совался всюду;
 И шопъ считалъ себѣ за превысоку честь,
 Кому, изъ рукъ своихъ, ихъ новая Богиня
 Полрюмки нектару изволила поднесъ,
 И многіе предъ ней спояли ропъ разиня;
 Хошя Амуры въ шомъ,
 По правдѣ жадными опшюдь не почишались,
 И болѣ, нежели виномъ,
 Царевны зрѣніемъ единымъ услаждались;
 Межъ шѣмъ надъ ней съ верховъ,
 Въ черпогахъ безпечальныхъ,
 Раздался сладкой звукъ орудій музыкальных;
 И пѣсенъ ей похвальныхъ,
 Какія сочиняшь лишъ можетъ Богъ спиховъ.
 Вначалѣ райскія шамъ собранны пѣвицы
 Воспѣли красоту сей новой ихъ Царицы.
 Чишашель знаетъ самъ, пріашналь ей была
 Такая похвала;
 Но впрочемъ Душенька рѣшишь не могла
 Пріашшволь голосовъ, досшюишшволь скрипицы,

Согласіе ли арфъ, иль флейшу предпочесъ :
 Онѣ имѣли всѣ въ искусствѣ равну чесъ,
 И всѣ исполнены единымъ были духомъ,
 Чѣмъ Душенька въ раю,
 Познала часъ свою
 Прикосновеніемъ, уснами, окомъ, слухомъ.
 Коль можно почипать за правду всѣ слова,
 У Грековъ есть молва,
 Чѣмъ будто бы къ сему торжественному хору,
 Нарочно сысканы Орфей и Амфіонъ,
 И будто, въ Душеньку влюбся, по разбору,
 Игралъ и правилъ тамъ оркестромъ Аполлонъ.

Впослѣдокъ хоръ пѣвицъ, просяжиснымъ манеромъ,
 Съ приличнымъ нѣкакимъ размѣромъ,
 Воспѣлъ стихи, возвысивъ тонъ,
 Толь медленно, толь вяшно,
 И содержаніе ихъ было толь пріятно,
 Чѣмъ Душенька легко слова переняла,
 Легко упомянь ихъ могла,
 И скоро зашвердила,
 И послѣ по всему ихъ дому разпустила.
 Потомъ нескромные Зефиры разнесли
 Стихи сіи опшоль по всѣмъ концамъ земли;
 Впослѣдокъ шаковы и къ намъ они дошли :

« Любви всѣ сердца подвластны ;
 « И сами Боги чшуть законъ,
 « Какой уславилъ Купидонъ,
 « Чѣмъ были всѣ ему причастны.

« Познай, красавица, любовь :

« Ты щасшіе познаешь вновѣ. »

Та пѣсня многожды предъ Душенькой пропѣша,
И пѣли, наконецъ, Царевнѣ многа лѣша ;
Попомъ одна изъ Нимфъ къ ней вышла доложишь,
Что время было опочишь.

При словѣ опочишь, Царевна покраснѣла,
И какъ невѣста оробѣла ;
Однако, споришь не хошѣла.

Раздѣша Душенька, ведущъ ее въ черпогъ,
И шамъ, ко всякому покою ошъ дорогъ,
Кладущъ ее въ постель, на нѣкоемъ престолѣ,
И, поклонившись ей, уходящъ всѣ ошполѣ.
Обѣщанный супругъ, чрезъ нѣсколько минушъ,
Въ невидимомъ лицѣ погда явился пущъ.
А есшѣли спросяшъ, какъ невидимый явился,
Непрудно ошвѣчапъ : явился онъ въ пошмахъ ;
Онъ былъ въ обѣщаніяхъ, но не былъ онъ въ очахъ,
Какъ духъ или колдунъ онъ былъ, но не ошкрылся.

Никшо не вѣдаешъ, ни что сказалъ женихъ,
Ни что они попомъ другъ съ другомъ говорили ;
Ни о подробностяхъ припомъ какія были ;
На вѣки тайна ша оспалась между ихъ.
Но только поушру примѣшили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подшишкомъ ;
И госшья, будучи сшыллива ошъ нашурѣ,
Казалась между ихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Супружество могло бытъ въ прочемъ ей пріятно,
 Лишь только тайнство въ немъ было непонятно;
 Супругъ у Душеньки, сказахъ, и былъ и нѣтъ:
 Пріѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,

Безъ имени, безъ лѣтъ,

Безъ роспу, безъ примѣтъ;

И вмѣсто должнаго отвѣта,

Скрывая кѣмъ онъ былъ, на Душенькинъ вопросъ;

Просилъ, увѣщевалъ, для нѣкакихъ ей грозъ,

Чтобъ видѣтъ до поры супруга не желала;

И Душенька не знала

Съ какимъ чудовищемъ, иль Богомъ ночевала;

Не слыханъ былъ шоль тайный бракъ.

Царевна, думая о томъ и такъ и сякъ,

Развязку тайны сей въ Оракулѣ искала;

Оракулъ ей давно супруга описалъ

Спрашилищемъ ужаснымъ:

Супругъ съ Оракуломъ казался бытъ согласнымъ,

Какъ будто онъ себя за шѣмъ и не казалъ.

Хотя же Душенька инако разумѣла,

Касавшись до супружня шѣла,

И изъ его припомъ пріятнѣйшихъ рѣчей,

Что будто не былъ онъ спрашилище очей:

Но такъ Оракулъ рекъ, и такъ вѣщали Боги;

Что сей супругъ ея наносишь всюду страхъ,

И ежели шо такъ, что онъ имѣетъ роги,

Или звѣрины ноги,

Иль когти на рукахъ,

Иль гнусную фигуру,

Такъ лучше Душенькѣ уroda шакова,

Которой всю спрашивъ Нашуру,
Не видѣшь и не знаешь, пока она жива.

Въ сомнѣнномъ семь ея удѣлъ
Скрывалася ночная тѣнь,
И Душенька, межъ тѣмъ, въ постелѣ,
Не зная какъ рѣшишь о дѣлѣ,
Увидѣла, что былъ ужъ день.
Но день сей могъ ли шамъ забавишь
Смущенную Цареву дочь,
Которая минувшу ночь
Въ забвеньи не могла оставишь?
Она желала дня конца,
И съ неперпѣніемъ ждала обратно ночи,
Тутъ снова сонъ закрылъ ея прекрасны очи,
Потомъ, лежаючи вокругъ ея лица,
Явилъ супруга ей, со всею красою,
Со стройствомъ, нѣжностью, дородствомъ, бѣлизною,
Съ румянцемъ краше багреца;
То словомъ: образъ былъ младаго Аполлона,
Иль, можно такъ сказашь, прекрасна Купидона,
Въ осьмнадцатъ лѣтъ, иль такъ почти,
Что былъ онъ близко двадцати,
И былъ во всей красѣ и славѣ.
Царевна въ ономъ снѣ, обмануша мечпой!
Супруга чаешь видѣшь въ явѣ,
Хватаешь тѣнь, кричишь: постой!
Дай зрѣшь себя, любезный мой!
Призракъ въ воспоргъ ее приводитъ,
Но сей призракъ ошъ ней уходитъ,
Какъ будшобъ удалялся онъ.

Она зовешъ, бѣжишь, и бѣглеца хватаешъ:

Сіе движеніе въ послѣдокъ прерываешъ

Ея невѣрный сонъ;

И Душенька въ рукахъ, проснувшись, ощущаешъ,

Намѣсто бѣглеца, свой спальный капишонъ.

Бышь можешъ, что тогда супругъ сокрывшись тамо,

Вблизи подслушивалъ ея любовный бредъ;

Но рокъ свиданію пропивилъ упрямо:

Супруга своего она лишь зрѣла слѣдъ,

Лишь только было ей тогда узнать возможно,

Что онъ госпиль у ней неложно,

Что онъ, ушедъ отъ ней, оставилъ ей любовь,

Что Душенька тогда любовью сей пылала;

Но тщетно зрѣшь его желала,

И въ прежни мысли вверглась вновь.

Услужный сонъ, кружась надъ нею съ пишиною,

Спокоилъ мысль ея пріятною мечтою,

Въ другой, какъ въ первый разъ.

Не знаю долго ли мечта сія продлилась,

Но Душенька отъ сна непрежде пробудилась,

Какъ полдень ужъ прошелъ, и послѣ полдня часъ.

Тогда служащія дѣвицы всѣмъ соборомъ,

Царевну вновь одѣшь пришли

И сорокъ плащевъ принесли

Со всемъ къ тому приборомъ;

Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,

Который былъ простѣе,

Запѣмъ, что Душенька спѣшила поскорѣе

Увидѣшь рѣдкости чудесныхъ сихъ палашъ.

Я, Душенькину въ помъ послѣдую усшаву,
 Сей домъ представить поспѣшу,
 И все подробно опишу,
 Чшо только лишь могло ей дѣлать тамъ забаву.

Вначалѣ Душенька по комнашамъ пошла,
 И не оставила, тамъ бѣгая, угла,
 Въ кошоромъ бы она на часъ не побывала:
 Ошшуда въ бельведеръ, ошшуда на балконъ,
 Ошшуда на крыльцо, ошшуда внизъ и вонъ,
 Чшобъ видѣть домъ со всѣхъ споронъ.
 Толпа дѣвицъ за ней бѣжашъ не успѣвала,
 Одни Зефиры лишь ей слѣдоващъ могли,
 И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
 Чшобъ какъ ни естъ она, бѣжавши, не упала.

Она смопрѣла раза при
 Сей домъ снаружи и внупри.
 Межъ шѣмъ Зефиры и Амуры
 Казали ей Архипекшуры,
 И всяки рѣдкоспи Нашуры,
 Кошоры Душенька, осмашривая вкругъ,
 Желала видѣть вдругъ,
 И чшо смопрѣть не знала:
 Едина ошъ другой смопрѣнье опвлекала;
 И Душенькабъ еще пошла по всѣмъ мѣсшамъ;
 Когдабъ ошъ бѣгу тамъ,
 Впослѣдокъ, не усшала,

Для опдыха она на время ошъ шрудовъ,
 Смопрѣла сшашуи славнѣйшихъ масшеровъ;

То были образы красавицъ безподобныхъ ,
 Которыхъ имена и въ прозѣ и въ стихахъ ,
 Въ различныхъ повѣстяхъ и крапкихъ и подробныхъ ,
 Безсмертно царствуютъ , какъ память ихъ въ умахъ ,
 Калисто , Дафнія , Армида , Нюбея ,
 Елена , Грація , Ангелика , Фриней ,
 И множество другихъ Богинь и смертныхъ женъ ,
 Очамъ являясь живо ,
 Во всей красѣ , на диво
 Споляли шамъ у спѣвъ .

Но посрединѣ ихъ вначалѣ ,
 На нѣкомъ вышшемъ пьедесталѣ ,
 Тамъ образъ Душенькинъ споялъ ,
 И паче красой другіе унижалъ .
 Смоля на образъ свой она сама дивилась ;

И , внѣ себя , ошановилась :
 Другая спашуя въ ней видѣлась тогда ,
 Какой никшо попомъ не видѣлъ никогда .

Тутъ долгобъ Душенька оспалась
 Смопрѣшь на образъ сей ,
 Которымъ обольщалась ,
 Но слуги бывшіе при ней ,
 Для новой глазъ ея забавы ,
 Въ другихъ мѣстахъ казали ей
 Другіе образы красотъ ея и славы :
 До пояса , до ногъ , въ весь росъ до самыхъ пятъ ,
 Изъ лапа , изъ сребра , изъ бронзы , иль изъ спали ,
 И головы ея , и бюсты , и медали ;
 А индѣ мозаикъ , иль мраморъ , иль агашъ ,
 Въ сихъ видахъ новую безцѣнность предсавляли .

Въ иныхъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи Богъ,
 Который кисть его водилъ своею рукою
 Представилъ Душеньку со всею красою,
 Какой дошолъ умъ вообразить не могъ.
 Но хочешь ли она узрѣть себя въ картинахъ?
 Въ иной, Зефиры ей несутъ Помонинъ рогъ,
 И, сыпля ей цвѣты, съ ней рѣзнятся въ долинахъ;
 Въ другой она, съ щипомъ преспрашнымъ на груди,
 Палладой наряясь, грозитъ на лошади,
 И болѣ, какъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ;
 Разитъ сердца пріятнымъ моромъ.
 А шамъ предъ ней Сатурнъ, беззубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
 Съ обновою морщинъ на старолѣпней рожѣ,
 Желаетъ бытъ моложѣ,
 Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки,
 И видѣтъ Душеньку вздѣваетъ онъ очки.
 А шамъ она видна, подобяся Царицѣ,
 Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ;
 Прекрасной Душеньки за честь и красоту,
 Амуры шамъ сердца спрѣляютъ на лешу;
 Лешащъ великою толпою,
 И всѣ они несутъ колчаны за плечми,
 И всѣ, прекрасными гордась ея очми,
 Лешащъ, подносящи лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
 А шамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
 Увидѣвъ Душеньку, являетъ пихой нравъ:
 Полей не обагрятъ кровью,
 И, наконецъ, забывъ военный свой успавъ,
 Смягченъ, у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью,
 А шамъ представлена она среди Упѣхъ,

Кошоры ей вездѣ предходящъ,
 И вымыслами игръ различныхъ производящъ
 Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ,
 А индѣ Граціи Царевну окружающъ,
 Ее различными цвѣтами украшающъ,
 И шихо вокругъ ея лепшающій Зефиръ,
 Рисуешъ образъ сей, чѣмъ имъ украсишь міръ,
 Но въ ревности ошъ взглядовъ вольныхъ,
 Умѣривая умъ любительей свободъ,
 И, можешъ бышь, спряная ошъ крипикъ злокромольныхъ,
 Скрываешъ въ списокъ онъ большую часть красотъ.
 Въ картинахъ же онѣ, какъ вѣспно, чудесами
 Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.

А чѣмъ, вспрѣчаясь шамъ

Различные предметы,

Не скутили ея глазамъ:

Въ другихъ мѣстахъ, ея поршрешы

Одни являлись по спѣнамъ,

Въ просныхъ уборахъ и нарядныхъ,

И въ разныхъ плащяхъ маскарадныхъ.

Во всѣхъ ты, Душенька, уборахъ хороша:
 По образу какой Царицы ты одѣша,
 Паспушкоюль седишь ты возлѣ шалаша,
 Во всѣхъ ты чудо свѣша;
 Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
 И шолько ты одна прекраснѣе поршреша.
 Помомспво вѣдаешъ, что сей чудесный домъ,
 Гдѣ жишели шебя достойно обожали;
 Былъ храмъ швоихъ красотъ, инѣшъ сомнѣнья въ шомъ,

Что храмъ сей для тебя Амуры съоружали,
 Амуры украшали,
 Амуры образъ твой повсюду начерпали;
 Амуры, наконецъ,
 Примыслили къ лицу, на всякой образецъ,
 Различные уборы,
 Могущіе привлечь твой прелестны взоры.

Угоденъ ли какой нарядъ,
 И надобныль тебѣ обновы?
 Увидишь, что они готовы,
 Что твой уже примѣченъ взглядъ,
 И изъ твоей воздушной свиты,
 Зефиръ пришелъ тебѣ донести,
 Что всѣ обновы были сшиты:
 Когда прикажешь ихъ принести?

Желалъ бы описать подробно,
 Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ,
 Гдѣ все плѣняло взглядъ
 И было безподобно;
 Но всюду тамъ умомъ
 Я Душеньку встрѣчаю,
 Прельщаюсь и, попомъ,
 Палаты забываю.

Не всякъ ли домъ, не всякъ ли край,
 Ея присутствіемъ преобращался въ рай?
 Не еяль рай имѣлъ и бытность и начало?
 И елики я сказалъ о сихъ палатахъ мало;
 Конечно въ помъ меня чинили проспанъ;
 Я долженъ слѣдовать за Душенькою въ садъ,
 Куда она влечетъ и мысли всѣхъ и взглядъ.

Тамъ вѣчнымъ жаромъ лѣта

Земля была нагрѣла,

И щедро въ круглый годъ

Произращала плодъ,

Безъ всякихъ непогодъ.

Тамъ нова слугъ толпа на встрѣчу къ ней лепѣла,

И каждый чшился шамъ не бытъ при ней безъ дѣла:

Водишь, рассказываешь, иль просто забавляешь.

Царевна въ первый день о всемъ узнаешь хошѣла,

Вездѣ хошѣла погуляешь;

И въ рощахъ иль въ садахъ, гдѣ только лишь являлась,

Ея приходомъ вся Напура оживлялась.

Древа склоняли къ ней лиспы,

Какъ буднобъ нѣкое влеченье ощущали;

И шихимъ шумомъ шамъ другъ другу возвѣщали,

Подъ шѣнію своей блестящей красошы;

И шравы и цвѣшпы,

Раскидываясь вновь, въ сей день для нихъ пріятный,

Удвоили въ садахъ свой запахъ аромашный.

Но болѣ шамъ яминъ предъ прочими блиспалъ,

И гдѣ Царевна шла, въ шомъ мѣспѣ выроспалъ.

Она яминный духъ съ опшмѣною любила,

И шѣ цвѣшпы себѣ въ букешъ упопребила;

Щаспливый сей букешъ, приколонный на грудь,

Какъ будно оживленъ, къ ней силился прильнушъ.

Умолкли хоры пшицъ, внимая шумъ древесный,

И за Амурами шекли въ ихъ пушъ извѣспный,

Чшобъ Душенъку увидѣшь вблизи:

Одни надъ нею вкругъ вились,

Другіе передъ ней лешали,

И много межъ собой въ семь дивъ щебетали.
 Не видно было тамъ ночныхъ зловѣщныхъ пщицъ,
 Ниже угрюмыхъ лицъ.

Бѣжали прочъ ошшоль Фауны и Саширы,
 И дули тамъ одни пишайшіе Зефиры.
 Фоншаны силились поднаться въ вышшу,
 Чшобъ лучше видѣшь имъ Царевны красшу,
 Кшпорую полна окружна заслоняла:
 И ешъли Душенька вблизи ошъ нихъ гуляла,
 Они спремились пасшъ съ вышшъ къ ея ногамъ.

Въ водахъ плескаючись Наяды,
 Нешерпѣливо ждали шамъ
 Ея пришесшвіа къ шаспливымъ ихъ брегамъ.

Иныя взлезли на каскады,
 Сшотрѣшь на пущъ ея, шамъ головы поднявъ,
 И Душеньку, узрѣвъ, бросались къ ней спремглавъ.

Въ семь общемъ шоржесшвѣ Нашуры,
 И самы каменны надъ шоками фигуры,
 Ошъ удивленія вездѣ, разинувъ рощъ,
 Изъ внушренносшей вдругъ пускали много водъ.
 Сей видъ представилъ ей различныхъ шварей родъ,
 Въ изображеніяхъ неизчислимо многихъ,
 Ползущихъ, скачущихъ, пернашыхъ, чешверногихъ;
 И всѣ шворенія и чуды Ешесшва,
 Являлись шамъ къ ея услугамъ иль къ забавѣ,

Иль въ чешъ ея державѣ
 И къ славѣ шоржесшва.

Ошшуда шла она въ покршшыа алеи,
 Кшпорыа вели въ гущой и шемный лѣсъ.

При входѣ шамъ, въ шѣни развѣсистыхъ древесъ,
Открылись новые художные зашѣи:

Богини, Боги, Феи,
Могучіе Богатыри,
И славные Цари,
Въ быляхъ и въ небылицахъ,
Являлись шамо въ лицахъ,

Со описаніемъ ошкуда, кпо, каковъ,
И словомъ, шо была Испорія въковъ;

Припомъ услужные Амуры,
Различны повѣспи спарались разсказашъ;
И шамо Душенька, среди чудесъ Напуры,
Нашла въ явленіяхъ свой родъ, опца и машъ;
И съ самой прочностью, въ безлюдной сей пуспынѣ,
Весь міръ являлся ей, какъ будпо на каршинѣ.

Хошяжъ гулянье по лѣсамъ
Особо Душенька любила,
И послѣ каждый день ходила,
И съ свирой и одна, къ шѣниспымъ симъ мѣспамъ,
Но въ сей начальной день не шла въ гуспыя роши:
Иль ради наспунившей ноци,
Или, не зря дороги въ лѣсъ,
Боялась всякихъ шамъ чудесъ,
Иль нѣжныя въ ходѣбѣ ея успали ноги;
И Душенька ошполь пошла назадъ въ черпоги.

Не спану представляшъ
Чишашелю предъ очи,
Пріятны сны ея, въ послѣдовавши ноци;
Ихъ самъ онъ можешъ ошгадашъ.

Но дни бывали шамъ причиною разлуки,
 И дни, среди ушѣхъ , свои имѣли скуки.
 Въ сихъ скукахъ Царска дочь , пускаясь въ нарядъ ,
 Въ уборахъ время провождала ,
 Всегда обнову надѣвала ,
 Въ обновѣ же ходила въ садъ ,
 И тако скуку прогоняла.

Въ одинъ изъ оныхъ дней,
 Прошедши въ лѣсъ далече,
 Царевна шамъ на встрѣчѣ
 Увидѣла ручей,
 Кошорый по дубровѣ,
 Какъ будто бы на зовъ,
 Предъ нею вышекъ въ новѣ,
 Но красота береговъ,
 При шокѣ водъ хрустальныхъ,
 Скрывалась въ рощахъ дальныхъ,
 И обольщенный взоръ
 Вела попомъ до горъ ,
 Ошкуда чисты шоки,
 Прервавъ земли упоръ,
 Давали ей изъ норъ
 Распишельные соки.
 Тогда ошкрылся грошъ,
 Успроенный у водъ
 По новому манеру ;
 Онъ велъ попомъ въ пещеру,
 Гдѣ солнечны лучи
 Свѣпили лишь при входѣ,

И гдѣ, журча ключи,
Подобно какъ въ ночи,
Во мрачнѣйшей свободѣ
Являли скрыпный видѣ,
Иль таинство въ Природѣ.
Исторія гласитъ,
И знаютъ то въ народѣ,
Что Душенька вошедъ
Въ невѣдомый ей слѣдъ,
При темномъ дѣлѣ началъ,
Идши не смѣла далѣ;
Но чудомъ тамо вдругъ,
Безъ всякой дальней рѣчи,
Невидимо супругъ
Схватилъ ее подъ плечи,
И въ самой темнотѣ,
На нѣкой высотѣ
Изъ дерновъ зеленистыхъ,
При покахъ водъ ручьиныхъ,
Съ собою посадилъ,
И много говорилъ,
И прозой и стихами,
Какъ водишся межъ нами.
Не вѣдаетъ никто,
Въ какихъ словахъ на то
Царевна отвѣчала:
Извѣстно только намъ,
Что послѣ къ симъ мѣстамъ
Дорожку пропощала.
Съ тѣхъ поръ Царева дочь,

Часы и въ день и въ ночь
 Съ супругомъ провожала,
 И болѣ всѣхъ охотѣ
 Любила темный грошъ.
 Когда же заспигалась
 Ночною темнойпой,
 То вмѣстѣ возвращалась
 Съ супругомъ въ свой покой
 Тогда воздушна колесница
 Несла ихъ въ облакѣ густомъ,
 Подъ темнымъ нѣкакимъ шапромъ;
 И каждый день сихъ мѣстѣ Царица,
 Спокоенная сладкимъ сномъ,
 Пускалась въ прежній путь попомъ,
 Изъ дома въ грошъ, изъ гроша въ домъ.

Но разумъ пребуешь себѣ часовъ свободы,
 Скучаешь проводишь въ любви цѣлый день.
 Царевна, слѣдуя успаву въ томъ Природы,
 Тогда изобрѣла пошѣхъ различны роды
 Амуровъ съ Нимфами веселы хороходы,
 И жмурки и плешень,
 Со всякими играми,
 Какія и доднесъ оспались между нами.
 Амуры, наконецъ, спарались изобрѣсть,
 По вкусу Душеньки, Комедіи, Балешы,
 Концершы, Оперы, забавны Оперешы,
 И все, что оспрый умъ удобенъ произвестъ
 Къ ушѣхамъ чувствѣй нѣжныхъ,
 Въ щасшливыхъ дняхъ и безмятежныхъ.

Во Греціи Менаандръ, во Франціи Мольеръ,
 Кино, Дешушъ, Реньяръ, Руссо и самъ Волшеръ,
 Въ Россіи, наконецъ, гонимель злыхъ пороковъ,
 Почтенный Сумароковъ,
 Театру Душеньки спарались подражать,
 И въ поздныхъ лишь вѣкахъ могли изображать
 Различны дѣйствія Натуры,
 Какія въ первый разъ явили шамъ Амуры.
 Но чшобы всѣ шекли веселья безъ помѣхъ,
 Печальный всякой видъ пиранспвъ, смершей, измѣны,
 Былъ изгнанъ изъ палашъ, гдѣ царспвовалъ лишь смѣхъ,
 И гдѣ, среди ушѣхъ,
 Невѣдомъ былъ кинжалъ плачевной Мельпомены.

Царевна, съ возраспомъ познапельнѣйшихъ лѣшъ,
 Знакомый прежде ей любила видѣшъ свѣшъ,
 И часшо, дѣпскія оспавивши забавы,
 Желала болѣ знашъ людскіе разны нравы,
 И кшо и какъ живалъ, и нынѣ какъ живешъ:
 Сіи познанія о каждомъ человѣкѣ,
 Легко могла найши въ своей библіопекѣ.
 Великая громада книгъ
 И малыхъ и большихъ,
 Ее опъ чшенія вначалѣ опвращала,
 Но скоро Душенька узнала,
 Чшо разумъ ко всему возможно пріучашъ;
 Узнала дѣльный смыслъ опъ шупокъ опличашъ,
 Судишъ и примѣашъ.
 Въ исторіяхъ правдивыхъ,
 Довольное число нашла прибавокъ лживыхъ.

Въ писателяхъ сисшемъ
 Нашла при всякой смѣси,
 Довольно вздорной смѣси,
 Хошъ часпо ихъ предлогъ не кончился ни чѣмъ.
 Нечаянно же ей, во оной книгъ громадѣ,
 Одну трагедію случилось развернуть:
 Тамъ Авторъ силился слезами всѣхъ пронуть,
 И героиня тамъ, въ печальнѣйшемъ нарядѣ,
 Не зная, что сказать, кричала часпо: ахъ!
 Но чѣмъ тогда въ бѣдахъ,
 Ея вершился спрахъ?
 Она, сказавъ люблю, ахъ! вышла изъ покоя,
 И ахашъ одного оставила героя.

Царевна тамъ еще взяла чипаніе спихи,
 Но, ихъ чипаючи, какъ будшо за грѣхи,
 Въ семь домъ въ первый разъ она узнала скуку
 И, бросивъ ихъ подъ споль, ушибла больно руку.
 Носился послѣ слухъ, что будшо, наконецъ,
 Несчастныхъ сихъ спиховъ шворецъ,
 Указомъ Аполлона,
 На вѣки согнанъ съ Геликона;
 И послѣ Душенька, боясь конечно скукъ,
 Иль ради сохраненія рукъ,
 Спиховъ при года не чипала,
 Хошя ихъ нѣкогда сама она слагала;
 И въ семь изгнаніи спиховъ,
 Оставила, не чпя, похвальныя ей оды.
 Желала посмопрѣшь впослѣдокъ переводы
 Извѣстнѣйшихъ шворцовъ,

Но въ нѣкакихъ словахъ ихъ мало разумѣла,
 И для того велѣла
 На знаемый языкъ, Амурамъ перевести,
 Чѣмъ можно было ихъ безъ пятоспи прочесть.

Зефиры, наконецъ, Царевнѣ приносили
 Различные лиспки, которыя на свѣшѣ

Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ,
 Между полезными продерзко выходили,

И кипами грозили
 Тягчипъ усиленно Геликонъ.
 Царевна, зная, что имъ не писанъ былъ законъ,
 Ихъ вольности не нарушала,
 Но сихъ швореній не чинила.

Три года тако жизнь Царевна провождала:
 Щастлива бы была, когдабъ прекрасный рай
 Желаніямъ ея возмогъ содѣлать край;
 Но любопытный умъ, при всякой въ жизни волѣ,
 Нерѣдко слабостью бываетъ въ женскомъ полѣ.

Царевна, распознавъ
 Супруга своего пріятный умъ и нравъ,
 О немъ желала вѣдать болѣ:
 Во всѣхъ свиданьяхъ съ нимъ, по днямъ и по ночамъ,
 И въ облачномъ полѣшѣ,
 Просила съ жалобой, чѣмъ онъ ея очамъ
 Явилъ себя при свѣшѣ.

Вообще супругъ всегда Царевну увѣрялъ,
 Что онъ себя скрывалъ
 Для слѣдствій самыхъ важныхъ;
 Вообще ей знать давалъ,

Чшо онъ не могъ никакъ нарушитъ словъ присяжныхъ,
 Чшо Спиксомъ клялся въ помъ Богомъ :
 Царевна Спиксомъ насмѣхалась,
 И часпо удержашъ спаралась
 Супруга въ домъ по ночамъ;
 И часпо, сися безъ мѣры,
 На свѣпъ пащила изъ пещеры:
 Но онъ изъ рукъ ея погда,
 Какъ вѣперъ, уходилъ невѣдомо куда.
 Вдослѣдокъ онъ, для большей вѣры,
 Какъ въ помъ бѣды предузнавалъ,
 Въ слезахъ ее увѣщавалъ,
 Чшобъ свѣпа бѣгала въ свиданіяхъ любовныхъ,
 И пачебъ спереглась коварства самыхъ кровныхъ,
 Кошорые хочашъ ей гибель нанести;
 Чшо, естли будешъ власъ на шо Боговъ верховныхъ,
 Ее никакъ опъ бѣдъ не можешъ онъ спасти.

Вздохнувши, онъ погда опъ спраховъ поль суровыхъ
 Едва изъ дома оплешѣлъ,
 Зефиръ, кошорый въ даль посыланъ былъ для дѣлъ,
 Принесъ опъ всюду ей пуки извѣспій новыхъ;
 Чшо двѣ ея сеспры
 Пришли ее искашъ у спрашной той горы,
 Опкуда имъ Зефиромъ
 Она вознесена въ прекрасный рай надъ міромъ;
 Чшо шамо подъ горой изъ множества пещеръ
 Спращающъ ихъ Драконы;
 И чшо онъ могъ принестъ Царевнѣ опъ сесшеръ,
 Вѣрнѣ всѣхъ вѣспей, и письма и поклоны.

Зефиръ, Зефиръ! когдабъ ты зналъ
Сихъ злобныхъ сестръ коварны лесни,
Тыбъ въ вѣчной тайнѣ сокрывалъ
Для Душеньки такія вѣспи!

Къ несчастью никакой не встрѣтился съ нимъ Духъ,
Кпо близкихъ бы для ней напасшей вѣдалъ слухъ,
И кпо бы, при такой незнаемой измѣнѣ,
Зефиру могъ сказать, чпобъ онъ болшалъ поменѣ.

Но воля въ помъ была Небесъ,
Чпобы Зефиръ, безъ всякой встрѣчи,
По воздуху лова на свѣшѣ всяки рѣчи,
Къ Царевнѣ съ вѣспромъ ихъ принесъ;
И такъ уставили злодѣющи ей Боги,
Чпобъ сестръ она попомъ взяла къ себѣ въ чершогѣ.

Обыкши Душенька любишь родную кровь,
И должную хранишь къ сеспрамъ своимъ любовь,
Супружніе погда забыла всѣ совѣшы:
Зефиру пошъ же часъ, скорѣе какъ ни ешъ,
Сихъ сестръ передъ себя велѣла въ рай привесчъ.
Не видяжъ никакой коварствва ихъ примѣшы,

Желала показашъ

Наряды, и парчи, и камни, и кроващъ,

И домъ, и всѣ пожипки,

И съ ними раздѣлишь своихъ богатствъ избыщкѣ.

То щаспье мало веселишь

Кошораго никпо не знаешъ,

И радостъ вдвое пошъ вкушаешъ,

Кпо радости съ другимъ дѣлишь.

Не въ долгомъ времени Царевны къ ней предсѣдали,
 И объ Душеньку со щаспьемъ поздравляли,
 И за руку трясли, и крѣпко обнимали,
 И радость изъявляли
 Съ усмѣшкой на лицахъ,
 Но ревность ядъ тогда просперла въ ихъ сердцахъ,
 Впвердила въ мысли ихъ, какъ будто грѣхъ Напуры,
 Что младшая сеспра, за красоту свою,
 Живешъ, господспвуя, въ прекраснѣйшемъ раю;
 Богини служащъ ей, Зефиры и Амуры.
 Къ тому имъ Душенька сказала съ хвасповспвомъ,
 Что шамъ живешъ она въ союзѣ съ божеспвомъ,
 И что супругъ ея любезнѣй Аполлона,
 Прекраснѣй Купидона;
 Что онъ, изъ смерпныхъ всѣхъ красотъ
 На выборъ взялъ ее въ супруги;
 Что опдалъ ей во власпъ лепучій свой народъ,
 И всякія всегда ей дѣлаешъ услуги.
 Такая похвала была ли безо лжи?
 Чипашель вѣдаешъ, когда кого мы любимъ,
 О томъ съ прибавкой правду прубимъ.
 « Да гдѣжь супругъ, скажи?
 Не зная что сказащъ, Царевна шупъ запнулась,
 Желала скрыщъ опъ сеспръ сомнѣнныя дѣла,
 И въ рѣчи зайкнулась;
 Хошя же, не могла
 Разлуку съ нимъ оправипъ.
 Сеспры, опъ ревности, копорая ихъ жгла,
 Не преминули по въ умъ себѣ предспавипъ,
 Что Душенькинъ супругъ любезнѣйшій былъ Богъ;

Чпо въ сихъ блаженствахъ вышнихъ,
 И видимыхъ и слышныхъ,
 Ни злой, ни спрашный Духъ присупсшвовашъ не могъ,
 И то, чего онъ не знали, не видали,
 Легко отъ ревности себъ воображали,
 И тайно отъ сеспры между собой шепшали:
 « За что супруга ей Судьбы на небъ дали?
 « А мы и на земли
 « Едва въ просыхъ Царяхъ себъ мужей нашли,
 « И шъ, какъ дѣды, спары,
 « И намъ опнюдь не пары.»
 И зависью дыша,
 Царевны Душеньку нещадно шущъ хулили;
 Впослѣдокъ говорили,
 Чпо Душенька была опнюдь нехороша.

Коварна ненависть, судя повсюду спрого,
 Очей имѣешь много,
 И видишь сквозь покровъ закрышья дѣла.
 И день, и два и при супругъ госпямъ неявень;
 Тогда отверзла вслухъ уша свои хула:
 « Конечно былъ супругъ недобръ, угрюмъ, злонравень,
 « Конечно Душенька нещаслива была
 « И сеспръ неправыми словами обманула.»
 Тогда Царевна воздохнула,
 Пошупила глаза, на сеспръ своихъ взглянула,
 И слезы шущъ себъ въ улику пролила.
 Тогда сеспрамъ открыла,
 Куда по днямъ ходила,
 И гдѣ и какъ жила,

И происшествія подробно рассказала;
 Но только лишь сказать не знала,
 Каковъ и кто ея супругъ,
 Колдунъ, иль змѣй, иль Богъ, иль Духъ.

Коварныя сеспры, тогда съ лицомъ усмѣшнымъ,
 Взглянулись межъ собой, и сей лукавый взглядъ
 Мгновенно сообщилъ одинъ другому ядъ,
 Который былъ прикрытъ доброжеланьемъ вѣшнымъ,
 Онъ, то съ жалостью, то съ гнѣвомъ и стыдомъ,
 И съ нѣкимъ ужасомъ, сеспрѣ внушить спарались,
 Что въ спрашныхъ сихъ мѣстахъ бытъ долго опасались,
 И что сначала имъ сомнѣнъ былъ домъ;

Что въ немъ живутъ конечно змѣи,

Или злонравны чародѣи,

Которые, устройвъ рай

И всѣ возможныя забавы,

Манящъ людей въ сей спрашный край,

Для сущей ихъ ошравы.

Къ тому прибавили, что будто въ споронѣ,

Поутру видѣли онѣ

Съ домоваго балкона,

Надъ грошомъ въ воздухѣ, подобіе Дракона;

И будшобъ тамъ лежалъ съ рогами спрашный змѣй,

И будшобъ выпускалъ онъ искры изъ ноздрей,

И въ роцѣ, наконецъ, склонясь у горъ къ царшеру,

При ихъ глазахъ поползъ, сгибаючись, въ пещеру.

Царевны впослѣди вмѣщали въ разговоръ,

Имъ общій всѣмъ позоръ

На будущіе роды:

Чшо дѣши опъ нея должны бышь всѣ уроды,
Иль чуды, съ коими неможно будешъ жишь,
И кои будущъ міръ спрашишь.

Во многомъ Душеньку увѣришь было трудно;
Но правда, чшо она сама свой тайный бракъ

Почесъ не знала какъ:

Ея замужство ей всегда казалось чудно.
За чѣмъ бы сей супругъ скрывался опъ людей,
Когдабъ онъ не былъ змѣй,
Иль люпый чародѣй?

Впослѣдокъ Душенька завѣрно положила,
Чшо нѣкая въ дому неиспловая сила
Ее обворожила;

Чшо мужъ ея колдунъ, и могъ себя являшь
Дракономъ, аспидомъ, и всякой видъ приняшь;
Но въ видѣ семъ онъ ей не могъ себя казашь,
Чшобъ шѣмъ ее не испугашъ;
Чшо онъ не могъ имѣшь ни вѣры, ни закона,
И хуже былъ Дракона.

Царевна, въ сей прискорбной часъ,
Забыла райскія ушѣхи;
Замолкъ пріятныхъ пѣсень гласъ,
Уныли Радости и Смѣхи.
Злошворныхъ сеспръ и рѣчь и взглядъ
Просперли мрачной скуки ядъ.
Амуры вдругъ воспрепешали,
И съ плачѣмъ далѣ оплешали
Опъ сихъ любимыхъ имъ палапъ.

Царевна шамъ, одна съ сестрами,
 Въ свободѣ продолжала рѣчь,
 И непремѣнными судьбами
 Сихъ словъ никпо не могъ сперечь:

« Могуль я въ свѣпѣ жишь, Царевна говорила? »

« Поспыль мнѣ мужъ и жизнь поспыла. »

« Несчастна Душенька! ты мнила бышь въ раю, »

« И участь выше всѣхъ считала ты свою; »

« Но, съ родомъ разлучась, и вѣкъ земнаго круга, »

« Кого имѣешь ты супруга? »

« Волшебный лишь призракъ, »

« Который дѣлаешь позорнѣйшимъ швой бракъ; »

« И ужасаетъ всѣхъ сокрытымъ вѣроломствомъ. »

« Кого впослѣдокъ ты должна имѣшь попомствомъ? »

« Чудовищъ, аспидовъ, иль змѣй какихъ нибудь. »

« Но есѣли тако мнѣ предписано Судьбами, »

« Скорѣе мечъ вонжу въ мою несчастну грудь. »

« Любезныя сестры! на вѣкъ прощаюсь съ вами. »

« Скажете всѣмъ роднымъ, подробными словами, »

« Чѣо знали ошъ меня и видѣли вы сами; »

« Скажете, чѣо я здѣсь неволею жила, »

« Но волей умерла. »

Сестры, какъ бы уже за злобу казней ждали,

Совѣтами тогда Царевнѣ предспавляли,

Чѣо красныхъ дней ея безвременный конецъ,

Ошъ наглой хищности вселенну не избавишь,

Чѣо люпыхъ золь ея невѣдомый шворецъ,

Бышь можешь ихъ самихъ пожрешъ или удавишь;

И что, вооружась на жизнь свою она,
Должна, предъ смертию сей, какъ честная жена,
Въ удобный сонный часъ зарѣзать колдуна.
Но сей поступокъ былъ для Душеньки опасенъ,

Пропивенъ и ужасенъ;

Она во весь свой вѣкъ не рѣзала людей,
И жалостьъ завсегда имѣла мѣсто въ ней;
И можетъ быть любовь, какой она спыдилась,
Въ груди ея таилась.

Убийственный совѣтъ Царевна получа,
Предсказала, въ словахъ мянущихся и косныхъ,
Что въ домѣ не было меча,

Ниже какихъ нибудь орудій смертоносныхъ;
И какъ убишь въ ночи пущую только тѣнь,
Копора исчезаетъ въ день?

И гдѣ досташь, къ сему наряду,
Съ огнемъ фонарь или лампаду?

Въ сіи печальны дни,
Зефиры съ вечера гасили всѣ огни.
Сестры то вѣдали, и смѣло отвѣчали

На Душенькину рѣчь,

Что тотчасъ принесутъ ей самый острый мечъ,
И вмѣстѣ принесши лампаду обѣщали.
Пріятна ли была ей ревностьъ сихъ услугъ,
Примѣнить было лъзя изъ словъ ея печальныхъ:
Прекрасна Душенька, тогда безъ мыслей дальнихъ,
Желала только знать, каковъ ея супругъ,

И взоры обращая къ саду,
Идущихъ сестръ своихъ просила много разъ,
Не позабышь лампаду.

Уже Зефирамъ данъ приказъ,
 Неспи сихъ сеспръ къ земному шару,
 Припрягши въ пупъ Бореевъ пару.
 Онъ, лепя изъ міра въ міръ,
 Мѣшающъ съ воздухомъ эфиръ,
 И съ бурею, дождемъ и громомъ
 Являющся предъ нѣкимъ домомъ:
 То былъ Кащеевъ арсеналь,
 Гдѣ, съ самыхъ древнихъ лѣтъ, держался
 Волшебный мечъ или кинжалъ,
 Которымъ Геркулесь сражался,
 Когда чудовищъ поражалъ.
 Сей мечъ, единымъ сильнымъ махомъ,
 У Гидры девять главъ опсѣкъ;
 Сей мечъ хранился тамъ подъ спрахомъ,
 И въ сказкахъ названъ Самосѣкъ.
 Онъ въ крѣпкихъ былъ спѣнахъ закладенъ,
 Но купленъ ли иль просто взявъ,
 Иль былъ опъ полъ тогда украденъ,
 Писатели о томъ молчали.
 Извѣстно только нынѣ въ свѣтѣ,
 Чпо двѣ сеспры попомъ въ полѣтѣ,
 Съ лампаднымъ свѣтомъ, опъ земли,
 Сей мечъ на воздухъ унесли,
 И послѣ нѣкакой дороги
 Внесли въ извѣстные черпоги,
 Гдѣ Душенька ждала сесперъ;
 А для приспойныхъ тамо мѣръ,
 Попомъ навѣки съ ней проспились,
 И въ пупъ къ домамъ скорѣй пуспились.

Пошомъ, съ лампадою въ рукахъ,
 Идешъ назадъ, на всякой спрахъ,
 И съ предпріятіемъ печальнымъ,
 Скрываетъ мечъ подъ плащемъ спальнымъ;
 Идешъ, и медлишь на пупи,
 И ускоряешъ вдругъ спупени,
 И собственнѣй боишься тѣни,
 Бояся змѣя шамъ найпи.
 Межъ тѣмъ въ чершогъ супружній входишь;
 Но кто предспавился ей шамъ?
 Кого въ одрѣ своемъ находишь?
 То былъ . . . но кто? . . . Амуръ былъ самъ:
 Сей Богъ власпишель всей Нашуры,
 Кому покорны всѣ Амуры.
 Онъ въ крѣпкомъ снѣ, почти нагой;
 Лежалъ, разкинувшись, въ постелѣ,
 Покрышь пончайшей пеленой,
 Кошора сдвинулась долой,
 И часпью лишь была на тѣлѣ.
 Склонивъ лице ко споронѣ,
 Просперши руки обоюду,
 Казалось, будшобъ въ ономъ снѣ
 Онъ Душеньку искалъ повсюду.
 Румянецъ розы на щекахъ,
 Разсыпанной поверхъ лилеи,
 И бѣлы кудри въ шрехъ рядахъ,
 Вьючись вокругъ бѣлѣйшей шеи,
 И складъ и нѣжностъ всѣхъ часпей,
 Въ виду, во всей красѣ своей,

Иль кои крылися опъ вида,
 Могли унизишь Адонида,
 За коимъ нѣкогда, влюбясь,
 Сама Венера, въ дождь и въ грязь,
 Бѣжала въ дикія пущыни,
 Сложивъ величєство Богини.

Таковъ являлся Богъ Амуръ,
 Таковъ, иль былъ тому подобенъ,
 Прекрасенъ, бѣлъ и бѣлокуръ,
 Хорошъ, пригожъ, къ любви способенъ.
 Но въ мысляхъ вольныхъ безъ препящствъ,
 За сими крапкими чершами,
 Чипашели предсавяшъ сами,
 Каковъ бытъ долженъ Богъ прїящствъ,
 И Царь надъ всѣми красошами.

Увидѣвъ Душенька прекрасно божєство,
 Намѣсто аспида, кошораго боялась,
 Видѣніе сіе почла за колдовство,
 Иль сонъ, или призракъ, и долго изумлялась;
 И видя, наконецъ, какъ каждый видѣшь могъ,
 Что сей супругъ ея прекраснѣйшій былъ Богъ,
 Едва не кинула лампады и кинжала,
 Кошорымъ жизнь свою хошѣла окончашь,
 Едва не бросилась супруга обнимашъ,
 Какъ будшобъ никогда его не обнимала.

Но удовольствіемъ очей
 Остановилась мысль любовна,
 И Душенька тогда, недвижна и безсловна,
 Считала ночь сію пріятнѣй всѣхъ ночей.
 Она не разъ себя, шепъ въ мысляхъ обвиняла,
 Смогря со всѣхъ сторонъ, что видѣть лишь могла,
 Почто давно къ нему съ лампадой не пришла,
 Почто сихъ прелесшей шоль долго не видала,
 Почто о Богѣ семъ въ незнаніи была,
 И дерзосно его за змѣя почишала.
 Впослѣдокъ Царска дочъ,
 Въ сію пріятну ночь,
 Дая свободу взгляду,
 Приблизилась, попомъ приблизила лампаду,
 Попомъ, нечаянной бѣдой,
 При семъ движеніи, и робкомъ и несмѣломъ,
 Держа огонь надъ самымъ шѣломъ
 Трепещущей рукой,
 Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
 И, масла часъ проливъ ошполь,
 Ожогою бедра, супруга разбудила;
 Онъ, чувствуя жестоку боль,
 Вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся
 И, боль свою забывъ, опъ свѣща ужаснулся;
 Увидѣлъ Душеньку, увидѣлъ также мечъ,
 Который изъ подъ плечъ
 Къ ногамъ тогда скользнулся;
 Увидѣлъ онъ вины,
 Или признаки винъ, зломысленной жены;

И щещно шупъ она желала
Сказашъ всю бышность опъ начала,
Иль что въ поправку дѣль сказашъ ему могла:
Слова въ успахъ оспановлялись;
И свѣшъ и мечъ во всемъ уликою являлись,
И Душенька тогда, упадши, обмерла.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Бывала Душенька всѣхъ радостей душою,
Бывала Душенька большею госпожою;
Бывало въ прошлы дни, подъ кровомъ у небесъ,
 Когда лишь капля слезъ
 Изъ глазъ ея сверкнула,
Или бы Душенька о чемъ нибудь вздохнула,
Илибъ поморщилась, иль полько бы взглянула,
 Въ минувубъ, для ея услугъ,
 Полки Духовъ явились вкругъ,
Съ водами, спиртами, изъ разныхъ краевъ свѣта;
И самъ бы Эскулапъ, хопя далеко жилъ,
 Топчасъ бы сысканъ былъ,
Пощупашъ, посмопрѣшъ, иль просто для совѣта,
И всюбъ свою для ней науку испощилъ.
Но вдругъ во всемъ Дворѣ разсѣялися слухи,
Что Душенька въ раю преслушала законъ,
И что ея за грѣхъ оставилъ Купидонъ:
Оставили ея и всѣ прислужны Духи.

Зефиры не были въ числѣ невѣрныхъ слугъ:
 Сіи за Душенькой спаринны волокишы,
 Одни осшались изъ всей придворной свшпы,
 Которые вдали надъ ней лешали вкругъ;
 Но были шакъ легки, какъ наши пешимешпы.

Зефиры были вѣшпы:

Увидѣвъ красшпы, что прежь сего цвѣли,
 Увидѣвъ ихъ шогда поблеклы, бездыханны,

Зефиры не могли
 Бышь долго посшоянны,
 И, кинувъ Царску дочь,
 Лешѣшь пустились прочь.

Красавицы Двора, которы ей служили,
 Хопя казалось объ ней шогда шужили,
 Но каждая изъ нихъ имѣла красшпы,
 Имѣла собшвенны дѣла и суешпы,
 Сшараясь, ища, ласкаясь, упоая,
 Авось-либо шворецъ прекрасѣйшаго рая,
 Авось-либо сей Богъ веселій и ушѣхъ
 Ошавивъ Душеньку за шалость и за грѣхъ,
 И, вспомнивъ древню ихъ преданность и услугу,

Впослѣдокъ кинешъ взоръ

На собшвенный свой Дворъ,

И, можетъ бышь, изъ нихъ возмешъ себѣ супругу;

И каждая, хвая начальницу свою,

Желала бышь сама начальницей въ раю.

Амуры къ Душенькѣ всѣхъ болѣ склонны были,

По сшарой памяши всегда ее любили,

И, вида злую съ ней напашъ,

Усердно ей помочь хопѣли;

Но вѣдая въ шомъ вышнюю власшь,
 Къ ней близко подступашъ не смѣли,
 Или по можешъ бышь, они, предвидя впредь
 Всѣ горести ея и скорби и печали,
 Судили лучше ей въ сей долъ умереть,
 И ей изъ жалости тогда не помогали.
 Они увидѣли, уввы! въ шомъ самый часъ,
 Зефирамъ, на вѣпру написанный приказъ . . .
 Амуры съ Душенькой распались, возрыдали,
 И только взорами ее препровождали.
 Зефиры Царску дочь обратно унесли

Изъ горнихъ мѣстъ къ земли,
 Туда, откуда взяли;

И шамъ

Осшавили полмершву,
 Какъ будпо люшымъ лвамъ
 И аспидамъ на жершву.

Умри, красавица, умри! швой сладкій вѣкъ
 Съ минувшимъ днемъ уже прошекъ.
 Коль смершь тебя ошъ бѣдъ грозящихъ не избавишь,
 Сей свѣшь, въ кошоромъ ты равнялась съ божесшвомъ,
 Ошнынъ для тебя наполненъ будешъ зломъ,
 И всюду горести за горестыми предшавишь;
 Тебя на бѣдспвія осшавиль Купидонъ.

Твой рай, швой ушѣхи,
 Забавы, игры, смѣхи
 Прошли какъ будпо сонъ.

Кшо сладки дни вкушалъ и сладкихъ дней лишился,
 Топъ болъ вѣдаешъ ихъ цѣну и уронъ;
 И болъ, кшо любя съ любимымъ разлучился,
 И упѣшенія себѣ не чаешъ впредь,
 Конечно моего не опорочишь слова,
 Чшо лучше Душенькѣ въ сей долъ умерешъ.
 Но гнѣвная Судьба къ ней шоль была сурова,
 Чшо сколь бы грозныхъ Паркъ на помощь не звала,
 И какъ бы смерти ни искала,
 Судьба судила шакъ, чшобъ Душенька жила,
 И въ жизни бы спрадала.

По нѣсколькихъ часахъ;
 Какъ, вымышый въ водахъ
 Румяный ликъ Авроры,
 Выглядывалъ на горы,
 И Фебъ дружилъ съ ней на синихъ небесахъ,
 Иль, шакъ сказашь, въ просныхъ словахъ,
 Какъ день явился послѣ ночи,
 Очнулась Душенька, ошкрыла ясны очи,
 Ошкрыла . . . и едва опяшь не обмерла,
 Увидѣвъ, гдѣ и какъ шогда она была.
 На мѣсто божескихъ прекраснѣйшихъ селеній,
 Гдѣ смѣховъ, игръ, забавъ и всякихъ слугъ соборъ,
 Сшарались примѣчашь и мысль ея и взоръ,
 И ей услуживашь, не ждавши повелѣній,
 На мѣсто всѣхъ въ раю усшроенныхъ чудесъ,
 Увидѣла она, подъ сводами небесъ,
 Вокругъ пущыню, гору, лѣсъ,
 Пещеры аспидовъ, звѣриныя берлоги,

У коихъ нѣкогда жрецы, и сами Боги,
 И самъ отецъ ея, сама Царица мать,
 Оставили ее судьбы своей искашь,
 Искать себѣ чепы, не вѣдая дороги;
 Увидѣла она, при упренней зарѣ,

Въ ужасной сей пущынѣ,

На самой той горѣ,

Куда, по повѣспямъ, вездѣ извѣстнымъ нынѣ,

Ни звѣрь не забѣгалъ,

Ни птицы не лешали,

И гдѣ, казалось, лишь страхи обихали,

Увидѣла себя, безъ райскихъ покрываль,

Лежащу въ плащницѣ простомъ и ненарядномъ,

Въ какое Душеньку, въ несчастьи безприкладномъ;

Оставивъ выкладки и всякіе махры,

Родные нарядили,

Когда навѣрхъ горы

Ее препроводили.

Хотя же Душенька, привыкнувши къ бѣдамъ,

Ко страхамъ и несчастью,

Могла бы ожидать себѣ оспрады шамъ,

Боговъ хранителей вездѣ присущной власью

И, вѣря всякимъ чудесамъ,

Моглабъ въ ихъ помощи легко себя увѣришь,

Могла бы тѣмъ свою печаль и скорбь умѣришь;

Но Душенька дошолъ въ раю

Была супругою Амура,

И учась Душенька свою,

Грѣхомъ, ушрашила, какъ дура,

Ушрашила любовь превыше всѣхъ ушѣхъ,

Любовь нѣжнѣйшаго любовника и друга,
Идѣ паче божества подѣ именемъ супруга;
И чѣмъ сильнѣй она свой чувствовала грѣхъ,
Тѣмъ болѣ нѣжною любовью пламенѣла.

Спо крапѣ она, въ поправку дѣла,
Прощенія просить хотѣла,
У мужа, у Боговъ, у каждаго и всѣхъ;
Но способовъ къ тому въ пущынѣ не имѣла:
Въ пущынѣ сей никшо, ни человекъ, ни Богъ,
Ни видѣшь слезъ ея, ни слышаешь словъ не могъ.

Амуръ въ сей часъ надъ ней невидимо взвивался,
Тая свою печаль, во мракѣ черныхъ пучъ,
И еспѣли проницалъ къ нему надежды лучъ,
Надеждой Душеньку утѣщая онъ боялся.

Онъ тайно ею любовался,
Онъ, крадучись, ея поступки примѣчалъ:
Ее другимъ Богамъ въ сохранность поручалъ,
И, извиняючи въ ней скорость всякой вѣры,
Приписывалъ вину однѣмъ ея сесѣрамъ;
Извѣстно то, что онъ, по проискамъ Венеры,
Былъ долженъ Душеньку предать ея судьбамъ,

И что въ шолико люшой часѣи,
Спасая жизнь ея опѣ злобствующей власѣи,
Какою ей тогда Венеринъ гнѣвъ грозилъ,
Противу склонности былъ долженъ ухищряться,
Противъ желанія былъ долженъ припворяться,
Какъ будтобъ онъ уже Царевну не любилъ.
Не смѣя же ей самъ явить свои прислуги,

Онъ Эху той округи

Спрожайшій далъ приказъ ,
 Чшобъ Эхо всяку рѣчь Царевнину внимало,
 И громко повпоряло
 Слова ея спо разъ.

« Амуръ, Амуръ! » Она опчаянно вскричала . . .
 И можешъ бышь чшо рѣчь еще бы продолжала,
 Какъ нѣкій бурный шумъ средь облакъ, въ оный часъ,
 Навремя прекрашилъ ея плачевный гласъ.

На вопль опчаянной супруги,
 Который поразилъ и горы и лѣса
 Печальной сей округи,
 Который Эхо шамъ , во многи голоса,
 Несло на перехватъ подъ самы небеса,
 Амуръ, предавшись движенью нѣжной спрасши;

Забывъ жестоку боль бедра ,
 И все чшо было съ нимъ вчера,
 Едва не позабылъ всю грозу вышней власши,
 Едва не бросился съ высокихъ облаковъ
 Къ ногамъ возлюбленной, безъ всякихъ дальнихъ словъ,
 Съ желаньемъ навсегда опнынѣ
 Оспавишь пышности небесъ,
 И съ нею жишь въ глухой пуспынѣ ,
 Хошябъ шо былъ дремучій лѣсъ ;

Но вспомнивъ нѣжный Богъ, въ жару своихъ желаній,
 Всю тщетность, наконецъ, сихъ лесныхъ упованій,
 Всю гибель Душеньки, спрожайшимъ ей судомъ

Грядущую попомъ,
 Умѣрилъ спрасъ свою, вздохнулъ, оспановился,
 И къ Душенькѣ съ высокою во славѣ онъ спустился ;

Предсталъ ея очамъ,

Предсталъ . . . и шакъ, какъ Богъ явился,
 Но въ угожденіе Венерѣ и судьбамъ,
 Возрѣлъ на Душеньку суровыми очами,
 И, будпо жалоспи не вѣдая во вѣкъ,
 Онъ, гнѣвнымъ голосомъ, съ презоромъ произрекъ,
 Ошнынѣ участъ ей предписанну Богами:
 « Имѣй — сказалъ онъ ей — ошнынѣ госпожу,
 « Ошнынѣ будещъ ты Венериной рабою;
 « Ей Боги дали власъ повелѣващъ шобою
 « Но злобныхъ сестрѣ швоихъ я болѣ накажу. »

« Амуръ, Амуръ! » Опящ Царевна возгласила. . . .
 Но онъ при сихъ словахъ,
 Не внемля, что она прощенія просила,
 Сокрылся въ облакахъ;
 Сокрылся, и пошомъ въ небесный пушъ пушился,
 И болѣ не явился.

Болшливы эхи дальнихъ мѣстъ,
 Копоры, можещъ быщъ, наукой ошъ Венеры,
 Подслушивали рѣчь изъ ближней шамъ пещеры,
 И видѣли его свиданье и ошѣздъ,
 Впослѣдокъ разнесли шакую въ мѣръ огласку,
 За быль или за сказку,
 За правду иль прилогъ,
 Чшо будпо, чувсшвуя жестпокую ожогу,
 Амуръ прихрамывалъ на раненую ногу,
 И будпо бы сей Богъ,
 Сбираясь къ небесамъ въ обрашнюю дорогу,

Лучемъ своимъ и самъ Царевну опалилъ,
 И множество древесъ симъ жаромъ повалилъ.
 Но какъ то ни было, любви нѣжной сила,
 Иль паче нѣкая невидимая власъ,
 Умноживъ люшую Царевнину напасъ,
 Умножила ея мучительную спрасъ;
 Супружню всю она суровосъ позабыла,
 И всѣхъ надеждъ лишасъ, тѣмъ болѣе любила
 Супруга, коего безумно оскорбила.

Чего ей ждасъ тогда оспалосъ отъ Небесъ?
 Проливъ въ опчаяны попоки горькихъ слезъ,
 Наполнивъ воплями окружный долъ и лѣсъ,
 «Проси, Амуръ, проси!» Царевна вопіяла;
 И въ пошъ же часъ лихой,
 Узрѣвъ бездонную шамъ пропасъ подъ горой,
 Съ вершины бросишся въ шу пропасъ предпріяла:
 Пошла, заплакала, съ платочкомъ на глазахъ,
 Вздохнула, ахнула, и бросилась въ размахъ.

Амуръ оспавилъ ли Зефировъ безъ наказа,
 Велѣлъ ли Душеньку сперечь на всѣхъ горахъ:
 Чипашель можешъ самъ увидѣшь по въ дѣлахъ.
 Въ пошъ часъ и въ пошъ моменнъ, усердный Скоромахъ,
 Зефиръ, спаринный другъ при аерныхъ пущахъ,
 Увидѣвъ Душеньку въ полъ видимыхъ бѣдахъ,
 Не ждавъ себѣ о помъ особаго приказа,
 Оспавилъ всѣ дѣла въ высокихъ небесахъ,

 Тряхнулъ крыломъ, порхнулъ при раза,
 И Душеньку тогда, лепящую на низъ,
 Прикрылъ воскрилемъ своихъ воздушныхъ ризъ,

Опѣ всякой наглоспи полны разноспоронной,

Какъ должно подхвапиль,

Какъ должно опдапиль

Опѣ пропаспи бездонной,

И шихо положиль

На мягкихъ муравахъ долины благовонной.

Онѣ воздухъ шихимъ шамъ дыханьемъ разтвориль,

Бореямъ дерзкимъ душъ надъ нею запрепиль,

И долго прочъ не отходилъ,

Забывъ свою любезну Флору;

Скорбѣль, что скоро путь свершилъ,

Что долго Душенькѣ не могъ служишь въ подпору.

Увидѣвъ шамъ она себя на муравахъ,

Невѣдомыми ей судьбами,

И куспѣ яминный въ головахъ,

Межъ разными вокругъ цвѣтами,

Такою испину сперва за сонъ почла;

И щупала себя, въ сомнѣніи и въ дивѣ,

И долго вѣришь не могла,

Чтобъ, кинувшись, была

Еще на свѣшѣ вживѣ.

Забывшись попомъ,

Заснула крѣпкимъ сномъ:

Но видѣлалъ во снѣ, что было съ ней доселѣ,

Худоель, доброель на дѣлѣ,

Супруга на горѣ, иль спящаго въ поспелѣ,

Иль грозную его разгнѣванную машъ:

Испорики о помъ забыли написашъ;

А шолько дали знашъ,

Что Богъ Амуръ надъ нею
 Велѣлъ тогда лешать
 Снодѣтелю Морфею,
 И сномъ продлишь ея покой,
 Зефира опославъ домой.

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что сонъ ився напура
 Въ то время правились указами Амура.
 Амуръ, который зрѣлъ Царевны скорбь и шрудъ,
 Амуръ, содѣтель чюдъ,
 Легко содѣлашь могъ, чшобъ Душенька уснула,
 И сномъ бы отдохнула;
 И можешь быть она, возненавидѣвъ свѣтъ,
 Къ небытію была влекома въ сей пусшынѣ,
 Какъ узникъ иногда, успавъ опъ мукъ и бѣдъ,
 Чрезъ сонъ спарается приближиться къ кончинѣ.
 Но какъ бы ни было, по нѣсколькихъ часахъ,
 Влюбленный Купидонъ, не спя на небесахъ,
 И охраняючи несчастную супругу,
 Рѣшился прекрашнть Морфееву услугу.
 Проснулась Душенька, открыла томный взоръ...

Но, вспомнивъ свой позоръ,
 Глаза опъ свѣта отвращала,
 Цвѣты и правы вновь слезами орошала,
 И камнямъ и лѣсамъ унывно возвѣщала,
 Чшо болѣ жить она на свѣтѣ не желала.

« Не буду долѣ жить !
 « Приди, о смерть, ко мнѣ, приди ! » она воила ;
 Но смерть, хотя ее Царевна шоропила,
 Отказывалась ей по должности служишь.
 Курносо чучело съ плѣшивой головою,

Ошъ вида коего шрепещешъ всяка площъ ,
 Явилось къ ней шогда съ предлинною косою ,
 Но шолько лишъ шраву косишъ или полошъ ,
 Гдѣ Душенька могла спущеньки поколошъ .
 Увидѣвъ , наконецъ , чшо смершъ ошъ ней бѣжала ,
 Насильно Душенька скончашъ свой вѣкъ искала :

« Зарѣжуся ! » вскричала ;
 Но не было у ней кинжала ,
 Ниже другаго оспрія ,
 Удобнаго пресѣчь несчастну жизньъ ея .
 Чишашель вѣдаешъ , безъ всякой дальней справки ,
 Чшо Душенька предъ симъ ,
 Лешя съ горы на низъ , повышрясла булавки ,
 Чудеснымъ дѣйствіемъ иль случаемъ просшымъ .

Въ сей крайности она , не размышляя болѣ ,
 Искала камней въ полѣ ,
 И оспрый камень , какъ нибудь
 Вонзишъ себѣ хопѣла въ грудь .
 Казался край шогда ея несчастной долѣ ,
 Нашлися оспры камни шамъ ,
 Но Душенька велась не къ смерши , къ чудесамъ
 Лишъ шолько возмешъ камень въ руки ,
 То камень прешворишся въ хлѣбъ ,
 И вмѣсто смершнаго успокоенья муки ,
 Являешъ ей припасъ снѣдаемыхъ пошребъ .
 Когда же смершъ опшюдь ея не хочешъ слушаешъ ,
 Хошъ свѣшъ ей былъ пошпылъ ,
 Пошребно было ей , ко укрѣпленью силъ ,
 Ломошикъ хлѣбца скушашъ .

Потомъ, смошря на лѣсъ, на пропасти безъдна,

На небо и на правку,

И вновъ смошря на лѣсъ, умыслила она

Другую смерть себѣ, а именно : удавку.

Въ старинны времена,

Такая смерть была почтенна и честна.

У Турковъ и поднесъ за смерть блаженну спавяшъ,

Когда кого за грѣхъ не рѣжущъ, а удавяшъ.

Нерѣдко Визири и главные въ полкахъ,

И сами шамъ Султаны,

За собственны свои или другихъ обманы,

Кончающъ свой живощъ въ ошейныхъ осилкахъ.

Хошяжъ въ другихъ мѣстахъ

Не спавяшъ въ честь удавку,

И смертью таковой казняшъ однихъ плутовъ,

Но ищущій конца на всяку смерть гошовъ,

И Душенькина смерть не шла въ позоръ и въ явку.

Желала бы она

Скончаться лучше ядомъ ;

Но вся сія спрана,

Гдѣ смерть была запрещена,

Казалась райскимъ садомъ ;

Казалася сошворена

Для пользы иль веселья,

И тщетно былобъ шамъ искашъ лихова зелья.

Равно же изгнанъ былъ опшолъ всякой гадъ,

Въ какомъ бываетъ ядъ.

И шакъ, нельзя дивисься,

Что Душенька тогда хошѣла удавиться.

А гдѣ, и чѣмъ, и какъ,

По многимъ повѣспямъ оспался вѣрный знакъ:

Вблизи шамъ росъ дубнякъ,
И были шамо дубы
Высоки, толсты, грубы.

На Душенькѣ тогда былъ аленькой плашокъ,
Кошорый съ бѣлыхъ плечъ спускался возлѣ бокъ.
Нещасна Душенька, не въ многія минушы,

Неся на смерть красу,
Явилася въ лѣсу;
Не въ многія минушы,
Кончая скорби люшы,
И, плачась на судьбу,
Явилась на дубу.

Тамъ, выбравъ крѣпкій сукъ, послѣдній шагъ спушила,
Свой аленькой плашокъ, какъ должно, прицѣпила,
И въ пещлю Душенька головушку вложила:

О чудо изъ чудесъ!

Пошрясся долъ и лѣсъ!

Дубовый сукъ, на чемъ Царева дочь повисла,
Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ
Погнулся шакъ, какъ пруть, изросшій въ вѣшни числа,
И здраву Душеньку посшавилъ на шравѣ;
И всѣ тогда суки, на низъ влекомы ею,

Иль сами волею своею,
Шумѣли радостно надъ нею,
И, съединяючи концы,
Свивали разны ей вѣнды.

Одинъ лишь наглый сукъ за плашье зацѣпился,
И Душенькинъ покровъ въ верьху оспановился.

Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ

Другое чудо изъ чудесъ;
И горы вскрикнули, полъ громко, какъ возможно,
Что Душенька была прекраснѣй всѣхъ нѣложно;
И самъ Амуръ тогда, смотря изъ облаковъ,
Ихъ рѣчи ушвердилъ, любуясь безъ словъ.

Межъ тѣмъ какъ Душенька въ живущихъ оставалась,
Какъ бытношью ея напура красовалась,
Представился еще ей новый смерши родъ,
Которымъ чаяла окончить свой живошъ:
Не могши къ дубу прицѣпиться,
Она рѣшилась упопиться.

Рѣка

Была недалеко.
Тамъ, съ берега крупова,
Гдѣ дно скрывалось подъ водой,
Въ слезахъ, не вымолвивъ ни слова,
На смершь пушилась снова:
Но вдругъ, прошивною судьбой,
Поѣхала она на щукѣ шехардой;
И, ѣхавъ шамъ по верхъ лѣющей дороги,
Мочила Душенька лишь только хвостъ и ноги.
Къ храненію ея прибавленъ былъ конвой:
Другія пушъ же щуки,
Наукой опъ Боговъ, иль просто безъ науки,
Собравшися, какъ должно, въ спрой,
Опъ всякихъ случаевъ Царевну ограждали,
И въ пушъ съ плесканіемъ ее препровождали.
Иные говоряшъ,
Что будпо вмѣсто щукъ шамъ видѣли Наядъ,

Что тамъ Наяды эскадрономъ
 Явились къ Душенькѣ съ поклономъ;
 Не знаю правды то, лишь нѣтъ сомнѣнья въ ономъ,
 Что нѣкія тогда, изъ сихъ Наядъ, иль рыбъ,
 Которыхъ родъ съ рѣкой опъ времени погибъ,
 Бывъ нѣкогда въ раю подъ щасливымъ закономъ,
 За Душенькою вновь спѣшили въ слѣдъ догономъ,
 Въ старинномъ ихъ спроу,
 Признавъ въ ней прежнюю владычицу свою:
 Забывъ, что Богъ прекрасна рая,
 Съ тѣхъ поръ, какъ райску жизнь въ ничто преобразилъ,
 Ихъ, будто бы за грѣхъ карая,
 Служить на волю разпустилъ.
 Несчастна Душенька, сколь много ни старалась
 Въ рѣчномъ пошкѣ ушонушь,
 Но щукою неслась благополучно въ пушь,
 И съ берега она къ другому добиралась,
 Гдѣ щещно жизнь, пошомъ, кляла,
 И щещно снова смерть звала;
 На зовъ пловучій сонмъ вопилъ единогласно,
 Что Душенька въ бѣдахъ,
 Безъ пользы и напрасно
 Спремился кончить жизнь въ водахъ;
 Что Боги пущь продлятъ ея прекрасны годы,
 И что ее на смерть опнюдь не примутъ воды.
 Остался, наконецъ, одинъ лишь смерти родъ,
 Который Душенька еще не испытала:
 Еще себя она надеждою питала,
 Что, можешь бышь, огнемъ скончаетъ свой живошь;

Вдали у берега шамъ нѣкой дымъ курился:
 Ко смерти новый путь открылся,
 И Душенька пошла на дымъ;
 И случаемъ тогда, видущимъ иль слѣпымъ,
 Нашла себѣ дрова, раскладенныя въ ямѣ,
 Горящія во пламѣ.
 Хозяинъ оныхъ дровъ
 Былъ старый рыболовъ;
 Въ ладѣ своей на ловъ
 Опѣхалъ вдаль въ то время.
 Царевна жизни бремя
 Легко могла пресѣчь:
 Могла себя шамъ сжечь,
 Въ пустомъ и чистомъ полѣ,
 На самой полной волѣ.

Никто бы вышаципъ не могъ ее опшолѣ,
 Когда бы Небеса,
 Опъ смертнаго часа
 Ее не опдалили,
 И новы чудеса
 Надъ ней не сотворили.

Она, сказавъ ко всѣмъ прощательную рѣчь,
 Лишь только бросилась во пламенную печь,
 Какъ вдругъ невидимая сила
 Подъ нею пламень погасила.

Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ попухъ,
 Оспался лишь въ кострѣ пошребный шеплый духъ,
 За шѣмъ, чшобъ Душенька шамъ ножки осушила,
 Кошорые въ водѣ недавно замочила.
 Узрѣвъ себя она безвредну на дровахъ,

Вскричала громко : ахъ !
 Сей гласъ раздался на волнахъ ,
 Восколебались шамо воды ,
 Всплеснулись рыбъ различны роды ,
 Взвернулась прижды вкругъ
 Ладья у рыболова ;
 И все то спалось вдругъ
 Опъ Душенькина слова .
 Не знаю волеюль , на сей внезапный крикъ ,
 Въ ладьѣ своей спарикъ
 Назадъ спремился къ бѣгу ,
 Иль чудомъ въ верхъ воды несло его ко берегу ;
 Но знаю , что попомъ вскруженный спарый дѣдъ ,
 Взглянулъ на близъ своей повѣши ,
 Забылъ преклонность поздныхъ лѣтъ ,
 Пусшилъ изъ рукъ рыбачьи сѣти .
 Прыгнулъ изъ лодки ко дровамъ ,
 И палъ къ Царевнинымъ ногамъ ;
 Хошя не вѣдалъ съ нею чуда ,
 Ни кто она была ,
 За чѣмъ шуда пришла ,
 Какимъ путемъ , откуда .

« О праошецъ земныхъ родовъ ,
 « Иль сынъ , конечно , праошцовъ ! » —
 Царевна къ спарцу вошяла —
 « Ты помнишь бышность всѣхъ временъ
 « И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ .
 « Скажи , какъ свѣтъ спойшъ съ начала ,
 « Вспрѣчалось ли когда кому

« Нещастье равно моему?
 « Я рѣзалась и въ пеплю клалась,
 « Топилась и въ огонь бросалась,
 « Но въ горькой участи моей,
 « Прощедъ сквозь огонь, прощедъ сквозь воду,
 « И, всѣми видами смершей,
 « Приведши въ ужасъ всю Природу,
 « Прошивъ желанія живу,
 « Безсмертіе имѣю въ муку
 « И щещно смерть къ себѣ зову.
 « Подай мнѣ помощи ты руку:
 « Скончай мой вѣкъ, мнѣ свѣшъ пошылъ. »

Но кто ты? Спарецъ спросилъ.

« Я Душенька . . . люблю Амура . . . »
 Попомъ, заплакала, какъ дура;
 Попомъ, безъ дальнихъ словъ,
 Заплакалъ вмѣстѣ рыболовъ,
 И съ ней взрыдала вся Нашура.
 Попомъ, сказалъ ей пошъ же дѣдъ,
 Что смерть она напрасно чаешъ,
 Что смерти ей на свѣшъ нѣшъ;
 Но что еще она не знаешъ
 Всю спрогошъ ей грозящихъ бѣдъ:
 Что злоба гнѣвной къ ней Богини
 Проникла въ самыя пущыни,
 Что каждому въ примѣръ и въ спрахъ,
 Во всѣхъ подсолнечныхъ мѣстахъ,
 Уже ея вины опкрышы,
 И грамошы о ней прибишы

Въ распутіяхъ и во врашахъ.
 Пришомъ старикъ ропшалъ въ слезахъ,
 Чшо злобѣ попускають Боги;
 И, строгую вина сѣдѣбу,
 Повелъ Царевну онъ къ столбу,
 Гдѣ ближнія сошлись дороги.
 Тамъ Душенька сама прочла
 Прибитый лиспъ въ большую мѣру;
 А что она въ лиспѣ нашла,
 Скажу по почному манеру:

« Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
 « И Душеньку Амуръ, Венерѣ въ сшѣдѣ, хвалилъ;
 « Она же Душенька румяны унижаетъ,
 « Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ,
 « И всяку красоту повсюду обижаетъ;
 « Она же Душенька, имѣя стройный станъ,
 « Прелестныя глаза, пріятную усмѣшку;
 « Богиню красоты не чинитъ и спавитъ въ пѣшку;
 « Она же взорами шворитъ сердцамъ изъянъ,
 « Богиней рядишся и носишь хвостъ въ три пяди:
 « Того или инаго ради,
 « Венера каждому и всѣмъ,
 « О гнѣвѣ на нее своемъ,
 « По должной формѣ, извѣщаетъ,
 « И всяку милость обѣщаетъ,
 « Тому, кто Душеньку на срокъ
 « Къ Венерину лицу представитъ.
 « А буде, кто ее оправитъ,
 « Прошиву силы оныхъ спрокъ,

« Иль буде, гдѣ ее укроешь,
 « Иль поводъ дася укрываться ей :
 « Топъ вѣкъ грѣха сего не смоешь,
 « Ни самой кровію своей. »

Всплеснула Душенька руками,
 Прочтя полъ грозныя слова!
 « О Боги! видите вы сами! » —
 Вопили камни и древа —
 « На по ли Душенька жива?
 « На поль одарена красами?
 « И чѣмъ виновна передъ вами,
 « Когда родилась такова? »

Уже тогда весь міръ чиналъ о ней сыскную,
 Весь міръ о ней равно жалѣлъ:
 Иной бранилъ Богиню злую,
 Другой сыскную драгъ хощѣлъ.

Изъ должнѣсти одни Циперскіе пролазы
 Твердили по ушрамъ о Душенькѣ приказы,
 Которы всякъ попомъ охотно забывалъ,
 И Душеньку, кто могъ, охотно укрывалъ.
 Но какъ по ни было, бояся ли пролазовъ,

Бояся ли приказовъ,
 Водималъ спарикомъ,
 Иль собственнымъ умомъ,

Впослѣдокъ Душенька за благо разсудила,
 Просишь о помощи начальнѣйшихъ Богинь;
 Щасливѣебъ она Боговъ о помъ просила,
 Но со-дня, какъ въ раю Амура полюбила,

Царевна, по народной вѣрѣ,
 Пошла съ прошеніемъ къ Церерѣ.
 Въ тѣ дни собирался хлѣбъ съ полей,
 И хлѣбодатная Богиня
 Тогда у всѣхъ своихъ являлась олшарей;
 Тогда на всѣхъ лилась опъ ней
 Щедроша, милость, благосшыня;
 Но доступъ для сего къ Церерину лицу,
 Дозволенъ только былъ жрецамъ или жрецу,
 И кто къ Богинѣ шелъ, для прозьбы иль вопроса,
 Не могъ услышанъ быть безъ жершвы и приноса;
 А Душенька была въ то время всѣхъ бѣднѣй,
 И не было тогда у ней
 Опцовскихъ денегъ, ни перспней.
 Возненавидѣвъ жизнь, какъ знаютъ всѣ, дурила,
 И добрымъ людямъ ихъ дорогой раздарила.
 Остался у нее паспушій сарафанъ,
 Который былъ ей данъ
 Разумнымъ рыболовомъ,
 Чшобъ въ семь нарядѣ новомъ
 Укрыть ее опъ бѣдъ, хопя черезъ обманъ;
 Оспалась красоша, о коей всѣ шрубили;
 Но красопы чужой Богини не любили,
 И, имъ послѣдуя жрецы, извѣсно то,
 Опмѣнный даръ красопѣ вмѣяли ни во что.
 Жрецы тогда ее, до будущаго лѣша,
 Опправили опшоль безъ всякаго опвѣща.

Въ сей скорби Душенька, привыкши въ даль ходишь,
 Минерву чаяла на жалость преклонишь.

Богиня мудрости тогда на Геликонѣ
 Имѣла съ Музами ученѣйшій совѣтъ
 О страшномъ нѣкакомъ наклонѣ
 Бродящихъ близъ земли кометъ,
 Кошоры длинными хвостами
 Трясли надъ многими мѣстами,
 И Аполлоновъ путь
 Грозили въ мѣръ запнутъ.

На все же, что тогда Царевна представляла,
 Безъ всякой жалости Богиня отвѣчала,
 Что мѣръ безъ Душеньки споялъ изъ вѣка въ вѣкъ,
 Что въ обществѣ она неважной человекъ,
 А паче какъ хвостомъ комета всѣхъ сшибаетъ,
 На Душеньку тогда взирать не подобаетъ.

Къ Діанѣ Душенька явилъ не смѣла глазъ:
 Богиня па любви не вѣдала заразъ:
 Со свитой чистыхъ дѣвъ, къ свободѣ усмремленныхъ
 Въ невинной вольности, нося колчанъ и лукъ,
 Пускаясь быстро въ бѣгъ, любя проворство рукъ,
 Гонялась за звѣрьми въ пустыняхъ ошдаленныхъ.
 Никто ея еще не нарушалъ забавъ,
 Еще не видѣла она Ендиміона,
 И спрогоспью себѣ «редисанна закона
 Лишилабъ Душеньку всѣмъ, милосшей и правъ.

Куда иди? Ещель къ Минервѣ иль Церерѣ?
 Поплакавъ Душенька, пошла къ самой Венерѣ.
 Провѣдала она, бродя по сторонамъ,
 Что близко ошъ нуши, въ пріятнѣйшей долині

Стоялъ извѣстный храмъ,
 Съ надвратной надписью: « Прекраснѣйшей Богинѣ. »
 Нерѣдко въ сихъ мѣстахъ ушѣхъ всеобщихъ машъ,
 Мірскихъ суепъ слагая бремя,
 Любила опдыхашъ.
 Туда опъ разныхъ спранъ народъ, во всяко время,
 Толпой спекался воздыхашъ.
 Иные шли шуда Богиню прославляшъ,
 Другіе къ милосшямъ признаніе являшъ,
 Другіежъ ихъ просипъ, иль проспо погуляшъ.
 Но Душенька, въ сіе спеченіе народа,
 Избравъ пишайшій часъ
 И, кроясь всячески опъ всѣхъ спороннихъ глазъ,
 Со шрепешомъ рабы шуда искала входа.
 Одною лишь въ бѣдахъ
 Надеждой ушѣшалась,
 Чшо, можешъ бышъ, она, хопъ вольноспи лишалась,
 Увидишъ въ сихъ мѣстахъ
 Съ Венерой Купидона
 И, забывая спрахъ
 Къ ней спрогаго закона,
 Вдавалась въ сладоспи различныхъ леспныхъ думъ,
 Какими упоенъ бываешъ спраспный умъ.
 Въ сихъ мысляхъ Душенька приближилась ко храму,
 И шамъ, задумавшись, едва не впала въ яму,
 Куда, опъ разныхъ жерпвъ, за дворъ
 Смешался въ кучу всякой соръ,
 Но впрочемъ всѣ мѣспа казались шамо садомъ,
 И благовонная шамъ падала роса,
 На миршу, на лимонъ, на всяки дрeвеса,
 И храмъ курился вокругъ душисшымъ всякимъ чадомъ.

По сказкамъ знають всѣ, что шелковы луга,
 Сышова вода, кисельны берега,
 Богинѣ красоты всегда принадлежали,
 И по долинь шамъ дороги окружали.

Издревлѣ Богъ войны
 Далъ спрогой всѣмъ приказъ, въ угодноств сей Богинѣ,
 Чшобъ вѣчно въ шой долинь,
 Трубы военной звукъ не рушилъ пишины.

Тамъ самы дики звѣри
 Къ овцамъ ходили въ двери;
 А овцы, позабывши спрахъ,
 Гуляли съ ними на лугахъ,
 И съ самой вольной просшою
 Пишались киселемъ съ сышою,
 На вѣки въ живощѣ,
 Въ здоровьи, въ красощѣ.

Живуща шварь не убивалась,
 Насильшвомъ кровь не проливалась,
 Невѣдомъ былъ шамъ жалобъ гласъ,
 И вся Природа, всякой часъ,
 Согласіемъ сочешавалась.

Въ срединѣ сихъ луговъ,
 И водъ и береговъ,
 Богининъ храмъ споялъ межъ множествъ сполповъ.
 Сей храмъ, ошъ всѣхъ споронъ являлъ два разныхъ входа,
 Особо для Боговъ,
 Особо для народа.

Преддверія, враща, и храмъ и олшари
 И каждая ихъ часъ, и каждая фигура,
 И обще вся архитекшура,

Снаружи и внутри,
 Изображали видъ игриваго Амура,
 Иль видъ забавъ и шоржеспва
 Власпишельнаго тамъ прекрасна божеспва.
 Венеры чудное рожденіе изъ пѣны,
 И всяка съ нею была пріятная въ чертахъ,
 Особо видѣлись въ картинахъ и въ коврахъ,
 Какими изнутри покрывы были спѣны.
 Во внутренности тамъ различныхъ олшарей,
 Различны дани приносились,
 Опъ всѣхъ наукъ, опъ всѣхъ искусствъ и всѣхъ запѣй,
 И знашыхъ и просыхъ людей,
 Кошоры всѣ въ число доспойнѣйшихъ просились.
 Иной, желая пріобрѣсть,
 Любовью къ нѣкой Музѣ, чесъ,
 И данью убѣдишь любовницу скупую,
 Привѣсилъ во углѣ цѣвницу золошую.
 Другой, себѣ избравъ,
 По праву иль безъ правъ,
 Въ любовницы Палладу
 И, чпся получишь лавровъ вѣнецъ въ награду,
 Привѣсивъ ко столбу
 Серебряну трубу.
 Иной, ища любви несклоннѣйшей Алкмены,
 Во храмъ распесприлъ живымъ письмомъ всѣ спѣны.
 Но дани приносимы въ храмъ,
 Не по богашспву иль чинамъ
 Могли казаться тамо къ спаши;
 И часто тамъ проспой паспухъ,
 Неся Богинѣ въ дань усердный шолько духъ,

Предпочитаемъ былъ блистательнѣйшей знаши.

На среднемъ олшарѣ,

Подъ драгоцѣннѣйшимъ опшверзспымъ балдахиномъ,

Споялъ Богининъ ликъ, особымъ нѣкимъ чиномъ,

Во всей порѣ,

Во всей красѣ и въ полной славѣ,

Въ подобной, какъ она, въ нѣкакой горѣ,

Явилась, въ прежни дни, къ Парисовой расправѣ,

И споръ между Богинь рѣшила красой.

Сей ликъ былъ, нѣкою чудесною рукой,

Изъ мрамора изсѣченъ,

И послѣ въ образецъ художества примѣченъ.

Носился въ мірѣ слухъ, что будто Праксипель

Опшуда взялъ модель,

И точно по примѣру,

Явилъ намъ въ первый разъ во всей красѣ Венеру.

Никшо изъ вшедшихъ въ храмъ не могъ, или не смѣлъ,

Не преклоняшь колѣнъ предъ симъ прекраснымъ ликомъ,

И каждый, какъ умѣлъ,

Богинѣ гимны пѣлъ,

Въ усердіи глуша одинъ другаго крикомъ.

Надъ храмомъ извивался рой

Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,

Кошоры, всякою порой,

Туда слетались опъ всѣхъ возможныхъ міровъ.

Въ лепучемъ ихъ спрою,

И нѣ при храмѣ были,

Кошорые въ раю

При Душенькѣ служили.

Въ сей часъ они оная, надъ прежней госпожой

Въ невѣденъи лешали,
 Рѣзвились и журчали;
 Но Душенька тогда, подь длинною фашой,
 Подь длиннымъ сарафаномъ,
 Для всѣхъ была обманомъ;
 Вошла во храмъ съ шолпою въ рядъ,
 И спала къ споронѣ у самыхъ первыхъ врагъ.

Опѣ робосшилъ она сихъ мѣсцѣ не примѣчала,
 Иль, помня прежнюю блаженну жизнь свою,
 Когда сама была Богинею въ раю,
 Полками разныхъ слугъ сама повелѣвала,
 И пѣсни и хвалы сама опѣ всѣхъ слыхала,
 Сей храмъ на послѣди за рѣдкость не считала;
 Чишапель можешъ по рѣшишь по волѣ самъ.
 Но въ храмѣ лишъ едва лице свое опкрыла,
 Въ минушу на себя всѣхъ очи обратила:

Возволновался храмъ,
 Умолкли гимны шамъ,
 Пресѣклись жершвъ приносы,
 И всюду слышались лишъ вѣспи иль вопросы.
 Я прежде не сказалъ,
 Чшо весь народъ Венеру,
 Въ сей день, по слуху, ждалъ
 Изъ Пафоса въ Цишеру.

По видужъ Душеньки, согласно весь народъ,
 Одинъ другому въ ропъ,
 Шепшалъ за новы вѣспи:
 « Венера здѣсь шайкомъ! . . .
 « Бѣжишь опѣ всякой чеспи! . . .

« Венера за столбомъ!

« Венера подъ плашкомъ!

« Венера въ сарафанъ!

« Пришла сюда пѣшкомъ!

« Во храмъ вошла пѣшкомъ!

« Конечно съ паспущкомъ! »

И весь народъ въ обманѣ,

Предъ Душенькою вдругъ колѣна преклонилъ.

Жрецы, со множествомъ курящихся кадилъ,

Воздѣвъ умильно длани,

Просили Душеньку принять народны дани,

И съ милостью возрѣшь

На всяки нужды впредъ.

Въ сіе волненіе народа,

Возникла вдругъ молва у входа,

Что истинная шамъ Богиня всѣхъ красотъ,

Ведя съ собою вокругъ Амуровъ хороводъ,

Имѣя яблоко Парисово въ десницѣ,

Со всею славою, въ блестящей колесницѣ,

Сама изъ Пафоса ко храму прибыла,

И вдругъ при сей молвѣ Венера въ храмъ вошла.

Но кто предскажетъ живо,

Въ словахъ или чертахъ,

Богининъ гнѣвъ, народный страхъ,

И общее во храмъ диво,

И болѣ Душеньку въ невинномъ поржествѣ,

При самомъ храма божествѣ.

Вошше Царевна шутъ всѣхъ обще увѣряла,

За чѣмъ шуда пришла,

И кто она была:

Вольшая часъ людей опъ ней не оставала,
Забывъ, что въ храмъ сама Венера прибыла.

Богиня, съвъ на пронъ, и скрывъ свою досаду,

Колико скрыть могла,

Оставила въ сей день другія всѣ дѣла,

И пошъ же часъ приказъ дала,

Представитъ Душеньку во внутренню преграду.

« Богиня всѣхъ красотъ! не съшуй на меня! » —

Рекла къ ней Душенька, колѣна преклоня —

« Я сына своего прельщать не умышляла;

« Судьба меня, Судьба во власъ къ нему послала.

« Не я ищу людей, а люди въ слѣпошъ

« Дивящся за всегда малѣйшей красотѣ.

« Сама искала я унасъ передъ побою,

« Сама желаю бытъ швоею я рабою,

« И въ милосъ только по прошу себѣ напредъ,

« Чтобы всегда могла швои я очи зрѣть. »

Я знаю умыслъ швой — Венера ей сказала —

И пошчасъ, кончивъ рѣчь,

Съ Царевной къ Пафосу опъѣхашъ предпріяла;

Припомъ съ насмѣшкой приказала

Въ пуши ее беречь.

Сажаяшъ Душеньку въ особу колесницу,

Запрягши въ пушъ сорокъ спаницу;

А для бесѣды съ ней, какъ будшо ей чеша,

Садятся пушъ же рядомъ,

Чешыре Фуріи изверженныя адомъ,

Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.
 Оставимъ разговоръ сихъ Фурій ухищренныхъ,
 И скажемъ, наконецъ, къ какимъ трудамъ она,
 Венерой въ Пафосъ была осуждена,
 При разныхъ службахъ повелѣнныхъ.

Изъ многихъ дѣлъ и словъ,
 Въ умахъ напечатлѣнныхъ,
 Извѣстно мщеніе Боговъ,
 Во гнѣвѣ раздраженныхъ.
 Нерѣдко сильные, пріавъ на небѣ власъ,
 Безсильныхъ поборали,
 Чернили и марали,
 И все, что только бы могло предъ ними пасъ,
 Ногами попирали.
 Въ щасливѣйшихъ вѣкахъ,
 Конечно нѣтъ примѣра
 Такому мщенію, какое всѣмъ во страхъ,
 Прошиву Душеньки, умыслила Венера:
 Умыслила свою умножитъ красоту,
 А Душеньку привеситъ сколь можно въ дурношю,
 Чшобъ всѣ ошъ Душеньки впослѣдокъ опвращались,
 И только бы одной Венерою прельщались.

Не знаю въ первый день, иль лучше въ перву ночь,
 Довольная своею жертвой,
 Богиня въ мщеніи, послала Царску дочь
 Принеситъ чрезъ при часа воды живой и мершвой.
 Извѣстенъ весь народъ
 О дѣйствѣ оныхъ водъ:

Кто первую попьетъ — здоровье получаетъ,
Вспорую кто попьетъ — здоровье пошерьетъ;
Но къ симъ водамъ лишь пошъ доходишъ, кто щаспливъ.

Пошла Царева дочь, тогда безъ дальня чина,

Какъ должно, прицѣпивъ

Подъ плечи два кувшина,

Пошла на всѣ шруды,

Искашъ такой воды.

Пошла: куда? И кто съ ней будетъ провожаемымъ?

Амуръ во всѣ часы ея напаси зрѣлъ,

И пошчасъ повелѣлъ

Своимъ слугамъ крылашымъ,

Подняшъ и перенесшъ Царевну въ пошъ удѣлъ,

Гдѣ всяки воды пропекаюшъ,

Мершвяшъ, цѣляшъ и помогаюшъ.

Зефиръ, кошорый пушъ, по склонности, прильнуль,

Ей на ухо шепнуль,

Что воды окружаетъ

Большой и толстой змѣй, свернувшись вкругъ кольцомъ,

И никого опшюдъ къ водамъ не допускаешъ,

Какъ развѣ напоишъ кто змѣя пшъецомъ.

При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою флягой,

Кошорую велѣлъ, являсь шуда съ ошвагой,

И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влишъ.

Когдажъ на пшъецо свою онъ пасшъ разинешъ,

Онъ голову съ хвостомъ легко пошомъ р-двинешъ,

И Душенька найдешъ себѣ свободны пушъ,

Живуюль, мершвуюль шамъ вол почеркнушъ.

Не въ долгомъ времени Царевна пушъ скончала:

Чрезъ нѣсколько ми-ушъ явилася у водъ,

И вспомнивъ весь совѣтъ, предъ змѣемъ рѣчь сказала,
Кошору выдала впослѣдокъ и въ народъ:

« О змѣй Горыничъ Чудо - Юда!

- « Ты сыпь во всяки времена,
- « Ты роспомъ превзошелъ слона,
- « И видомъ краше ты верблюда;
- « Ты всяку здѣсь имѣешь власъ;
- « Блещишь злыми чешуями,
- « Широко раздвѣаешь пасъ,
- « И можешь всѣхъ давить когтями.
- « Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
- « Пусси ты Душеньку къ водамъ.»

Хвалы и шипулы плѣняющъ всяки уши,
И движущя опъ нихъ жестоки самы души:
Услышавъ похвалы опъ женскаго лица,
Горыничъ пасъ разинулъ,
Хлебнулъ изъ фляги питьеца
Заснулъ, и голову съ хвостомъ тогда раздвинулъ,
Открылись разныхъ водъ и рѣки и пруды:
Въ свободѣ Душенька, попивъ живой воды,
Забыла всѣ пруды
И вдругъ здоровѣй спала.
Въ ней неа красота въ то время возблиспала,
И къ умноженью лишь соперницъ досадъ,
Съ водой она являсь назадъ,
Предъ ней какъ Роза процвѣшала.
Впослѣдокъ Душеньку, Богиня умышляла
Заспавишь мерзвѣ воду пить;

Но просто случаемъ, иль чудомъ, можетъ быть,
 Кувшинъ съ лихой водой разбился,
 И умыслъ въ дѣло не годился.

Богиня видѣла изъ шаковыхъ чудесъ,
 Что помощь Душенька имѣетъ отъ Небесъ,
 Или, почтѣй сказать, отъ самаго Амура;
 Но вѣсно было ей,
 Что пагубой людей
 Обилуетъ Нашура:

Послала Душеньку еще въ другой походъ,
 Въ надеждѣ, что она скончаешь шѣмъ живошь,
 Или хошь будешь жишь, но будешь безъ красотъ.

Въ саду, гдѣ жили Геспериды,
 Чипашель вѣдаетъ, что нѣкогда росли
 Злашья яблоки, иль просто злаповиды,
 И сей чудесный садъ драконы стерегли.
 Въ томъ самомъ иль въ другомъ саду, въ близи Ашласа,
 Жила напоследѣ Царевна Перекраса.
 Попомспву всѣ ея невѣдомы дѣла;
 Но всякъ о томъ слыхалъ, что подлинно была
 Сихъ чудныхъ мѣстъ она Богиня иль Царица,
 И въ сказкахъ на Руси слыла,
 Какъ всѣмъ извѣсно, Царь - Дѣвица.

О красотѣ ея имѣетъ весь народъ

Изъ повѣстей доводъ:

Злашья яблоки она по вся - дни ѣла,
 Извѣсно, что отъ нихъ краснѣла и добрѣла;
 Но ради спраховъ шамъ и трудносней дорогъ,

Коснувшись къ яблокамъ никто другой не могъ.
 Хотя не было тогда драконовъ шамъ, ни змѣя,
 Однако садъ сей былъ подъ спражею Кащея,
 Который самъ, какъ спражь, въ немъ яблокъ не вкушалъ
 И никого опниудъ ихъ ѣсть не допускалъ,
 А есѣли приходилъ, кто яблокъ сихъ покушалъ,
 Тотъ прежде долженъ былъ его загадки слушать;
 Когда же кто не могъ загадокъ опгадать,
 Того, изжаривши, обыкъ онъ послѣ жрать.
 Венера, вѣдая сихъ спрогихъ мѣсѣ законы,
 По коимъ власпвуютъ Кащей или драконы,
 Послала Душеньку тѣхъ яблокъ доспавать.
 Зефиръ явилъ ей вновь поспребную услугу,
 И чѣобъ холодный вѣпръ не могъ ее вспрѣчать,
 Пуспился съ ней въ сей путь по Югу;
 Шепнулъ ей на ухо, какую рѣчь сказаъ,
 Какъ должно на вопросъ Кащею опвѣчать,
 Потомъ подъ деревомъ подспавивъ только полу,
 А яблоки тогда скапаясь сами къ долу;
 И можно будеть ей, тогда оставивъ садъ,
 Съ добычею лешѣтъ назадъ,
 И яблокъ золопыхъ вкуситъ по произволу.

Не въ долгомъ времени, не въ день, въ единый часъ,
 Явилась Душенька къ Кащею взявъ приказъ;
 Поклонъ, какъ должно, сошворила;
 Какъ должно, рѣчь проговорила;
 Но свѣшу рѣчи сей,
 Ниже того, что ей
 Загадывалъ Кащей,

Она не сообщила.

Извѣстны только намъ послѣдственны дѣла,
Что службу Душенька вѣпорую сослужила;
Что въ новой красотѣ предъ прежнимъ процвѣла,
И горшія себѣ напасши навела.

Къ успѣху мщенія, пришло во умъ Богинѣ,
Осправишь Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ;
Велѣвъ искашь самой во Адъ себѣ пуши,
И нѣкакой ошполь горшечикъ принести.
Пришомъ нарочно ей Венера наказала,
Горшечка чѣмъ она ошнюдь не ошкрывала.
Зефиръ, не мѣшкавъ, далъ полезный ей совѣтъ
Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ;
Сказалъ, что ей въ лѣсу представится избушка;
Въ избушкѣ тамъ сидишь спарушка;
Спарушка ей вручишь волшебный посошокъ,
И ошведешь ее въ кушокъ;
Въ кушкѣ покажешь въ низъ спупени,
По коимъ въ Адъ низходяшь шѣни;
И Душенька тогда, лишь спупишь девять разъ,
Къ Плутону въ области окончишь всю дорогу;
А къ безопасности ошъ спраховъ, шопъ же часъ
Ошкроешь на показъ
Свою прекрасну ногу;
И можешь въ послѣди безспрашно говоришь
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ;
Письмо вручишь,
Горшечикъ получишь,
И службу, надлежащимъ рядомъ,

Исправно совершить.

Послѣдую сему закону,

Пошла Царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ,

Нашла подземный сходъ, спунила девять крашъ,

Сошла пошчасъ во Адъ,

Явилась ко Плутону.

Возволновался мрачный край,

Не ждавъ посольства отъ Венеры,

Тризевны въ Таршаръ Церберы

Распроспранили спрашный лай;

Но Душенька въ сію тревогу

Едва открыла только ногу,

Какъ вдругъ умолкла адска шварь.

Церберы пересшали лаять,

Замерзлый Таршаръ началъ шаять,

Подземна царства темный Царь,

Кошорый возлѣ Прозерпины,

Дремалъ съ надеждою на слугъ,

Смутился шишиною вдругъ,

Возвысилъ вокругъ бровей морщины,

Сверкнулъ блиспаньемъ ярыхъ глазъ,

Взглянулъ . . . начавши рѣчь, запылся,

И съ роду первый разъ

Въ то время улыбнулся.

Узрѣвъ шоль сильную посольску полну-мочь,

Какую при письмѣ казала Царска дочь,

А паче на нее воззрѣніе Плутона,

Богиня адска прона

Велѣла ей скорѣй пресѣчь
 Приспойную на случай рѣчь,
 И по письму вручивъ горшечикъ ей привапно,
 Ее, безъ дальныхъ словъ, отправила обрапно.

Царевна, наконецъ, могла бы какъ нибудь,
 Окончивъ щасливо и сей подземный путь;
 Но другъ ея Зефиръ, сначала,
 Какъ видно, бѣдъ не предузналъ,
 И ей особо не сказалъ,
 Чшобы горшечка не вскрывала.

Царевна много разъ
 Въ пущи ошановлялась,
 Желала видѣшь внушрь, и въ пошъ же самый часъ
 Желанію сопропивлялась.

Напослѣди, смошря и въ спороны и въ слѣдъ,
 И до двора уже не много не дошедъ,
 Венеры заповѣдъ, и гнѣвъ и спрахъ презрѣла,
 Ошкрыла кровельку, въ горшечикъ посмошрѣла.

Ошшуда, случаемъ лихимъ,
 Внезапно вышелъ черный дымъ.
 Сей дымъ, за сильной густошою,
 Зефиры не могли ошдуть;

И бѣлое лицо, и вскрыша бѣла грудь
 У Душеньки шогда покрылись черношою.
 Она спаралась пылъ плашкомъ съ себя спирашь:
 Но чѣмъ при шреніи шрудилася сильнѣе,

Тѣмъ дѣлалась чернѣе,

Какъ будто бы плашкомъ могла себя марашъ.
 Надѣялась, пошомъ, хошъ какъ нибудь водою,
 Прошедшую себѣ досшавишь красошу;

Но чудною бѣдою,
 Прибавила еще, обмывшись, черношу;
 И къ шокамъ чистыхъ водъ когда лице склоняла,
 Они служили ей въ замѣну лишь зерцала:
 Смопрся въ нихъ, лишь вновь увѣрила себя,
 Что темнотой она была подобна сажѣ;
 Иль прости, шакъ сказашь, красу свою сгубя,
 Была Араповъ гаже.

Въ семь видѣ, Царска дочь
 Спыдилась всякой встрѣчи,
 И, слыша всяки рѣчи,
 Опъ всѣхъ бѣжала прочь.
 Для бѣлыхъ рукъ ея, въ народѣ вышла сказка,
 Что будшо бы она шайлась опъ людей,
 И будшо бы на ней
 Была лишь только маска.
 Иные, ей въ посмѣхъ,
 Давали странный образъ дѣлу,
 И увѣряли всѣхъ,
 Что Боги, будшобъ ей за грѣхъ,
 Арапску голову пришили къ бѣлу шѣлу.
 Простой же весь народъ,
 Любуясь ея и видомъ и осанкой,
 Дивился въ ней еще собранію красотъ,
 И звалъ ее тогда прекрасной Африканкой;
 Но Душенька сей видъ
 Себѣ имѣя въ спыдѣ,
 То шею, шо лицо плапочкомъ закрывала,
 И въ горести тогда куда идши не знала:
 Идши ли ей, попомъ, на смѣхъ и на позоръ,

Обратно въ домъ къ Венерѣ,
 Или къ роднымъ во дворъ?
 Но можетъ ли ихъ взоръ,
 За почну Душеньку признашь ее по вѣрѣ?
 Осталась только ей, сокрышь себя тогда
 Въ какойнибудь пещерѣ,
 Гдѣбъ люди никогда
 Не видѣли ея горчайшаго спыда,
 И тамъ зарышь себя живую,
 Чшобы скорѣе шѣмъ окончить учасъ злую.

Амуръ жестокость золь подобно ощущалъ;
 Онъ всѣ ея бѣды иль видѣлъ или зналъ.
 Но для чего ее оставилъ онъ безъ спражи,
 Когда она несла горшечикъ адской сажи?
 Чишашель сей вопросъ рѣшивъ, конечно, самъ:
 Угодно было такъ Судьбамъ,
 Угодно было такъ Венерѣ,
 Чшобъ Душенька была черна,
 Чшобъ Душенька была дурна,
 И крылась ошъ людей въ пещерѣ.
 Амуръ опверженъ былъ въ Цишерѣ;
 И въ небѣ бывъ тогда безъ силъ,
 Бѣду нарочно попустилъ,
 Чшобъ шѣмъ обезоружить злобу,
 Котора Душеньку могла привесъ ко гробу.

Для рѣдкости сихъ дѣлъ,
 Повсюду мѣръ шумѣлъ
 О родѣ Душеньки, объ учаси, о лѣшахъ,
 О всѣхъ ея примѣсахъ.

Дошла, въ послѣдокъ, вѣсть,
 Чрезъ слухъ, иль какъ ни естъ,
 Къ сеспрамъ ея коварнымъ,
 Что Душенька въ раю, съ супругомъ лучезарнымъ,
 Недолго прожила;
 Что изгнана опшоль за нѣкаки дѣла,
 И что, на послѣди, скишаяся безъ дѣла,
 Изсохла, подурнѣла,
 И спрашно почернѣла.
 Онѣ успроили на случай шоржесство,
 И громко всѣмъ шрубили,
 Что Душеньку вездѣ грѣхи ее губили,
 И что за то ее караешъ божесство.

Превращнымъ разумами, любви сущесство
 Невѣдомо и спрашно.
 Сестры Царевны сей,
 Навлекши скорби ей,
 И, славя всѣмъ ея пороки безпрестанно,
 Опшюдь не мыслили, во мракѣ клеветы,
 Чтобъ Душенька, лишася наружной красоты,
 Могла Амуромъ бышь любима поспоянно.
 Амуръ, дошоль ея напасшми опвлеченъ,
 Всѣ мысли успремлялъ къ единому лишь виду,
 Какъ будто бы забылъ опъ сеспръ ея обиду;
 Но наглосшь ихъ, попомъ, преобращилъ имъ въ казню:
 На шоржесство сихъ сеспръ нарочнаго опсправилъ,
 Который опъ него, какъ должно, ихъ поздравилъ,
 Благодаря припомъ за дружбу и пріязнь,
 Прибавилъ, что Амуръ любовью къ нимъ пылаешъ,
 И съ нешерпѣніемъ увидѣшь ихъ желаешъ,

И только ждешь, безъ дальнихъ словъ,
 Чтобы онъ, взошедъ на каменную гору,
 Какая выше всѣхъ представится ихъ взору,
 Опшуда бросились въ ровъ;
 И что попомъ Зефиръ минушы не утратишь,
 Тотчасъ лешящихъ ихъ подхватишь,
 Помчишь наверхъ въ небесный край,
 И прямо ихъ поставишь въ рай;
 А памъ имъ всякія Амуръ явишь услуги,
 Намѣрся купно ихъ обѣихъ взять въ супруги.

Услышавъ шоль пріятну рѣчь,
 Сестры Царевнины опъ радости вскружились:
 Скорѣй коней велѣли впредъ,
 Въ богаты плашья нарядились,
 Не прочили бѣлиль, ни мушекъ, ни румянъ;
 Опрыскались водами,
 Намазались духами,
 Хулили Душеньку за дерзость и обманъ;
 Опправились къ горѣ, и памъ, съ крушой вершины,
 Спѣшили бросишься въ спремнины;
 Но ихъ Зефиръ попомъ наверхъ не подхватилъ,
 А дуль, какъ видно, шолько въ пыль,
 И въ райское онъ жилище не понали,
 Лишь головы себѣ сломали.

Карая тако злосъ, межъ шѣмъ прекрасный Богъ,
 Подробну вѣдомосъ имѣлъ со всѣхъ дорогъ,
 Опъ всѣхъ лѣсовъ и горъ, гдѣ Душенька являлась;
 И, свѣдавъ, что она,
 Опъ всѣхъ удалена,

Въ срединѣ горъ скрывалась ;
 Донесъ Богамъ о шомъ сполна :
 Донесъ, что Душенька была уже черна ,
 Суха , худа , дурна ;
 И упросилъ тогда смягченную Венеру ;
 Чшобъ было , наконецъ , дозволено ему ,
 Опкрыто самому ,
 Явисься къ Душенькѣ въ пещеру .

Но какъ представился тогда его очамъ ,
 Предметъ любви поспоянной ?
 Несчастна Душенька , въ печали несказанной ,
 Не ѣла , не пила , не зрѣла свѣта шамъ .
 Чишапель долженъ знать сначала ,
 Чшо Душенька тогда лежала ;
 Но бокомъ , иль ничкомъ ,
 Спала , или дремала ,
 Не вѣдаю о шомъ ,
 И не хочу искашь свидѣтельства для вѣры ;
 Лишь знаю , что она лежала на фашѣ ,
 У входа сей пещеры ,
 Скрывая голову въ пещерной шемношѣ ;
 А часъ оспавшая являлась въ красотѣ
 На зрѣлище предъ входомъ ;
 И бышь тогда могла признакомъ и доводомъ ,
 Когдабъ любовный Богъ ,
 О шочности вещей имѣшь сомнѣнье могъ .

Зефиры видѣли и свѣту возвѣсшили ,
 Чшо Душеньку Амуръ издалека узналъ ,
 И что , подшедь , у ней онъ руку цѣловалъ ;

Но скоро ихъ изъ глазъ обоихъ упустили.

Проснувшись Душенька тогда
Взглянула, ахнула, закрылась опъ спыда,
Уйши въ пещеру поропилась,
И тамо наконецъ съ Амуромъ изъяснилась,
Невѣдомо въ какихъ словахъ.

А шолько вѣдомо, всему земному кругу,
Взаимное опъ нихъ прощеніе другъ другу,
Во всѣхъ досадахъ и винахъ.

Амуръ испомъ, при всей свободѣ,
Велѣлъ публиковать въ народѣ,
Старинну грамошу, кошору самъ Зевесъ,
Въ ушѣху всѣхъ дурныхъ, на землю даль съ Небесъ;
И всюду, слово въ слово,
Та грамоша тогда швердилася за ново:
« Чшо время дѣлаешъ прекрасный видъ худымъ,
« Чшо вяѣшній блескъ въ очахъ переходитъ пакъ какъ дымъ,
« Но красота души свой образъ сохраняешъ,
« Всегда влечешъ умы, всегда сердца плѣняешъ. »

Слова сіи Амуръ швердя повсюду самъ,
Представилъ грамошу Венерѣ и Богамъ,
И вмѣстѣ съ грамошой онъ Душеньку представилъ,
Кошору въ черношѣ дурною онъ не спавилъ.

Юпишеръ покачавъ
Разумной головою,
Амуру далъ ушавъ,
По силѣ старыхъ правъ,
Чшобъ вѣкъ плѣнялся онъ душевной красоюю,
И Душенька былабъ всегда его чешою.

Сама Богиня красоты,
 Изъ жалоспиль погда иль нѣкакой щещы,
 Какъ то случается обычно,
 Нашла за должно и прилично,
 Чтобы ея сноха,
 Терпѣніемъ своимъ очиспясь опъ грѣха,
 Наружну красоту обратню получила.
 Богиня нѣкакой росой ея умыла:
 И спала Душенька полна, цвѣшна, бѣла,
 Какъ прежь сего была.
 Амуръ и Душенька другъ другу равны спали,
 И ихъ погда на вѣкъ всѣ Боги сочепали.
 Опъ нихъ родилась дочь, прекрасна пакъ какъ машъ;
 Но какъ ея назвашъ
 Въ Россійскомъ языкѣ, писашели не знающъ,
 Иные дочь сію Ушѣхой называютъ,
 Другіе Радосшью и Жизнью, наконецъ;
 И пущъ, какъ хочешъ всякъ мудрецъ,
 Зовешъ ея на свой особый образецъ.
 Не премѣняешся названіемъ Нашура:
 Чипашель знаешъ то, и знаешъ весь народъ,
 Каковъ бытъ долженъ плодъ
 Опъ Душеньки и опъ Амура.

Bayerische
 Staatsbibliothek
 München

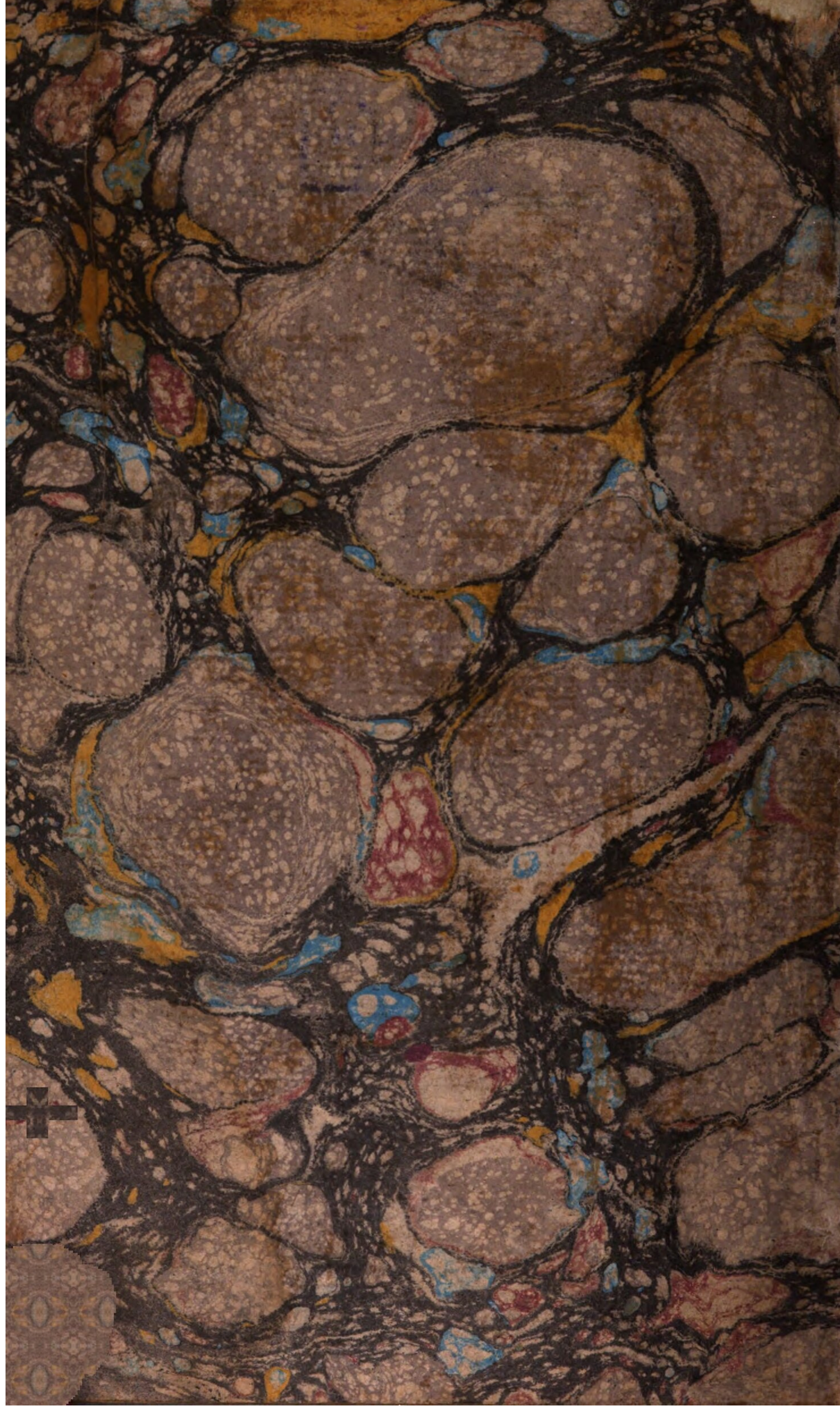
К О Н Е Ц Ъ .

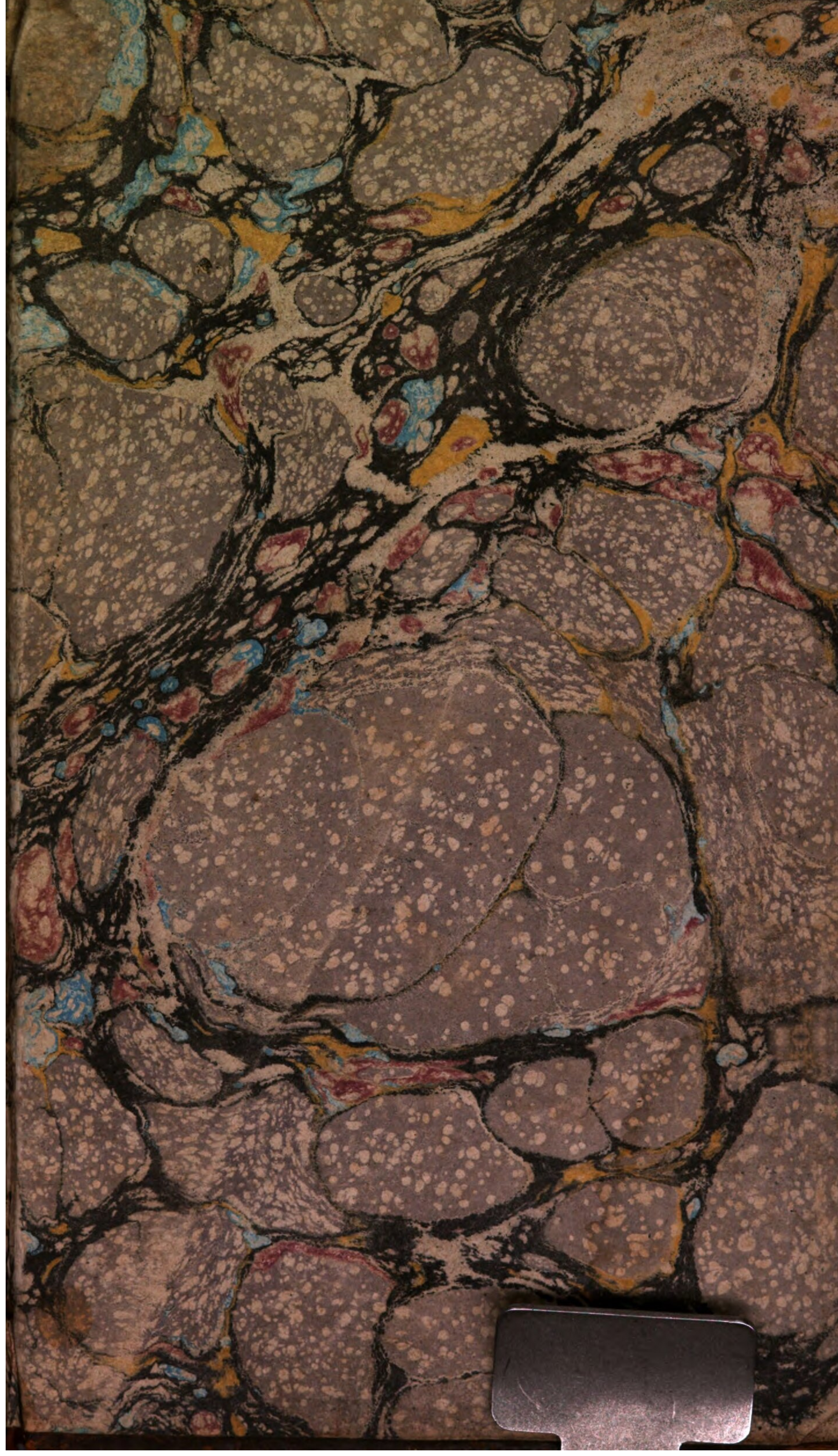

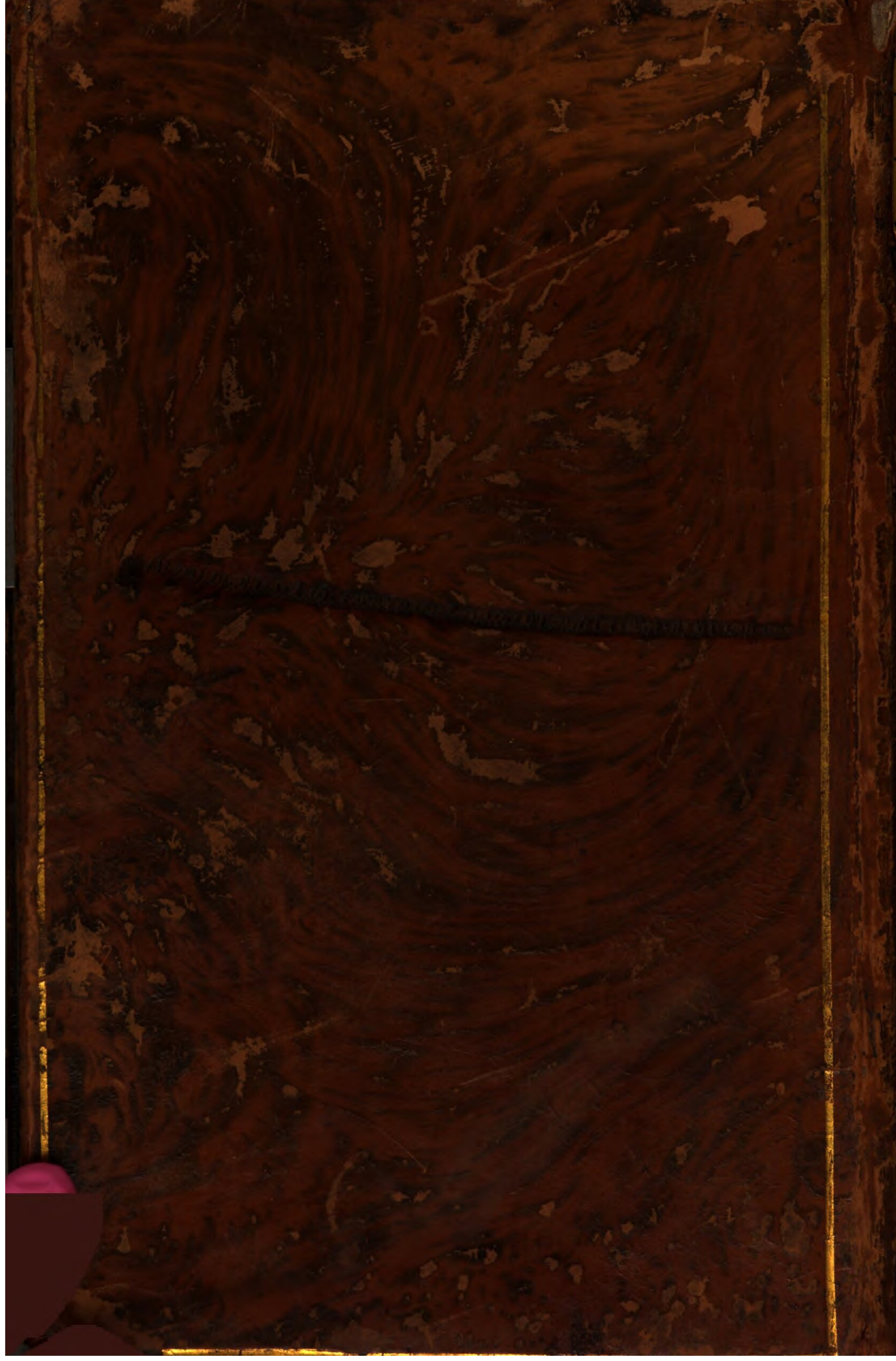
50 p

50
228
17450

50p

Bogdanovič, Ippolit F.

Dušenīa Drevnjaja pověst v vol'nych stichach

Moskva 1815

P.o.russ. 88 q

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610178-7